АРИНА ТЕПЛОВА

ХОЛОПКА

ИЛИ

КУЗНЕЦ НА СЧАСТЬЕ

Попаданка в Российской империи

Арина Теплова

Холопка или Кузнец на счастье

«Автор»
2026

Теплова А.

Холопка или Кузнец на счастье / А. Теплова — «Автор», 2026 — (Попаданка в Российской империи)

Полиночка всегда была богатой, упакованной, стильной и одинокой.Свой очередной отпуск, на сорокалетний юбилей решила провести необычно, чтобы запомнилось.И что же?Теперь она холопка Глаша, крепостная крестьянка с четырьмя детьми, бедная и опустившаяся. А ещё мужик у неё после двадцати лет брака завёл себе полюбовницу, найдя девицу помоложе и послаще нравом. Но Полина не привыкла отдавать своё! А ещё она по жизни победительница! И докажет всем несогласным, что в 40+ жизнь только начинается!

© Теплова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 16
Глава 7 19
Глава 8 21
Глава 9 23
Глава 10 25
Глава 11 27
Глава 12 30
Глава 13 32
Глава 14 35
Глава 15 38
Глава 16 41
Глава 17 43
Глава 18 46
Глава 19 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Арина Теплова
Холопка или Кузнец на счастье

Глава 1

Деревня Козловка. Казанская губерния, 19 век

— Ку-ка-реку! — раздался звонкий крик петуха, который прыгнул мне на голову.

Непроизвольно смахнув птицу с волос, я резко открыла глаза, вмиг проснувшись.

Непонимающе огляделась по сторонам. Окружающая обстановка имела затрапезный вид. Я находилась внутри какого-то деревянного сарая, сбоку навалено сено, а на высокой жерди сидели три белые курицы. Я лежала на чём-то мягком и колючем, пахнущем пряными травами.

На сене?

Нет, не может быть! Что за бред? Какое сено в двадцать первом веке, да ещё в дорогущем отеле?

Наглый петух уже начал клевать моё плечо, и я быстро спихнула его с груди. Он громко недовольно крикнул и, взмахнув крыльями, взобрался к курам на жердь. Я довольно кивнула и снова прикрыла глаза.

— Какой дурацкий сон, — пробормотала я сама себе, зевая, и переворачиваясь на бок. — Да, Полина, не надо было на ночь жрать тот вкусный тортик. Теперь какая-то фигня снится…

Погрузившись в полудрёму, я чувствовала, что голова какая-то мутная, словно пьяная, но крепче кофе я не употребляла напитков. И уже почти заснула, как вдруг едва не подскочила от громкого крика, раздавшегося совсем рядом.

— Глашка! — послышался рёв какого-то мужика. — Где эта баба гулящая?

Я открыла один глаз и увидела крупного верзилу — мужика.

Он стоял в дверях этого облезлого сарая, и его широкие плечи закрывали дневной свет, который озарял его голову, словно нимб. Лица против света не разглядеть. В простой рубашке-косоворотке и штанах, почему-то в чёрном фартуке. Крепкий, пречистый и русоволосый, с железным очельем на лбу, с короткой густой бородой. Истинно русского такого типажа.

Я даже поёжилась от испуга. Не повезло этой Глашке. Если её искал этот разъярённый бугай. Не хотела бы оказаться на её месте.

Суетливо завозившись, я постаралась глубже зарыться в стог сена и спрятаться от бешеного мужика. Но моя возня, наоборот, привлекла его внимание. Он бросил цепкий взор в мою сторону и через миг уже оказался рядом. Грозный взгляд мужика и косая сажень в плечах заставили меня занервничать, и я окончательно проснулась.

— Вот ты где, жёнка! — пророкотал он над ухом, хватая меня за плечо и неучтиво вытаскивая из-под сена. — А ну поднимайся. Солнце вовсю жарит, а ты до сих пор дрыхнешь!

— Уберите руку, уважаемый, — возмутилась я и шлёпнула его ладошкой по руке. — Что вы себе позволяете?

Мужик непонимающе уставился на меня, однако руку убрал. Но скорее не оттого, что я ударила, а от моих слов, которые явно показались ему странными. Как-то недовольно зыркнул на меня.

— И почему мне досталась такая ленивая, полоумная баба? За какие грехи? — выдал он удручённо, тяжко вздохнув.

— Я не ваша баба и…

— Кончай пререкаться, жена! Вставай, сказал!

Жена? Мои глаза округлились, и я окончательно пришла в себя.

Где я? Что происходит?

Почему я нахожусь в этом хлеву и почему жена? Может, в этом эко-отеле такое оригинальное приветствие вновь прибывших? Наверняка.

Но такое себе приветствие. Нет чтоб хлеб с солью. Да царевич какой красивый на белом коне, например. А не этот громила со злым взглядом.

Вчера я ехала сюда глубокой ночью. Помню только, что перекусила тортиком в кафе по дороге, а потом… не помню. Задремала на заднем сиденье такси. А теперь вот это всё! Не понять ничего.

Из суматошных мыслей меня вырвал этот мужик.

— Глашка, вставай! Никогда мне лясы с тобой точить, у меня дел в кузне невпроворот.

Он что, кузнец? Я снова прошлась по нему взглядом. А что, очень даже похож. Такой колоритный, крепкий мужик, славянин, лет сорока. Вот почему у него кожаный фартук на груди, чтоб искры на тело не попали.

— Надо оглобли сегодня закончить, иначе барин меня прибьёт! — продолжал рычать он на меня.

Барин? Какой ещё барин?

Тут что, в отеле делили постояльцев на барей и... кого ещё? Надеюсь, я всё же не крестьянка? Хотя, судя по хлеву, в котором мы находились, стрёмной одежде на мне и по этому мужику, всё могло быть.

Он снова попытался поднять меня, неучтиво ухватив за талию. Но я завизжала.

— Не трожь меня!

— Чего вопишь как резаная? — возмутился мужик, нахмурившись. — Домой ступай, там дети некормленые. А ты тут бока пролёживаешь.

Он быстро поднял меня на ноги, да так легко, словно я ничего не весила, чем очень удивил. А весила я... короче, не пушинка-балерина.

— Откуда фингал-то под глазом? Опять с Анфиской подралась? — спросил мужик, осматривая моё лицо.

— А не ты поставил? — подозрительно спросила я.

Такой точно мог, взгляд уж больно лютый и грозный.

— Я? Ты че, белены объелась, Глафира? Я тебя в жизнь пальцем не трогал. А надо бы проучить уже давно, дурная ты баба!

— Хватит меня называть бабой. Мне это не нравится.

— Не нравится ей! Вот ещё! Где ты шаталась всю ночь?

— Не ваше дело. И прекратите орать. Я прекрасно вас слышу.

— А раз слышишь, то исполняй, что муж тебе велит! Домой немедля ступай. Огород не полот, дома не метено, а Васька с голубятни упал, орёт как резаный!

— Какой Васька?

— Дура! Че, последние мозги пропила? Сына родного забыла?

— Прекратите меня оскорблять, милейший! — возмутилась я, скидывая его сильную руку со своей талии. — И вообще, я вам не жена, что за предъявы про огород какой-то?

— Ну всё, Глашка, терпению моему конец. Иди сюда, поганка!

Он грубо схватил меня за талию и поволок из деревянного амбара наружу, по-свойски прижимая к себе.

— Пустите! Что здесь творится? Я вообще-то на отдых приехала. Где тут администратор?

— Хто? — вспылил мужик. — И какой ещё отдых? Вечером отдохнёшь, когда с делами управишься.

Глава 2

Наше время, 21 век

А ведь так всё хорошо начиналось: отпуск, юбилей, необычное место!

Два шикарных новых платья за три тысячи баксов из модного салона, три сексуальных купальника и удобные босоножки на небольшом каблучке.

Свой сорокалетний юбилей я собиралась отметить с размахом. И ведь говорила мне Машка: «Не справляют сорок лет — плохая примета». Но я-то знала, что я по жизни победительница, и со мной ничего плохого случиться не может.

Но была одна проблема: я не знала, куда махнуть на свой день рождения. Где отметить его так, чтобы запомнилось. Родилась я в июле, в разгар лета и поспевшей клубники, а ещё в самый сезон отпусков. Конечно, я могла поехать куда угодно. Любимый папочка баловал меня с детства и «упаковал» по полной. Денег у меня было вдоволь, и я могла не работать, но это слишком скучно и примитивно.

А я слыла среди подруг креативщицей! Да и как ею не быть, если имеешь фигуру-бодипозитив пятьдесят четвёртого размера. Пухленькой я была с детства. В шесть лет меня напугала собака, и я начала заикаться, мне прописали лечение какими-то сильными гормональными препаратами, которые и повлияли на фигуру. После этих чудо-таблеток моя речь восстановилась, а вот фигура навсегда стала «плюс сайз».

В юности я очень комплексовала по этому поводу, переживала, что у меня нет мальчиков и что не могу надеть, например, мини-юбку, которая смотрелась на мне как на корове седло.

Поклонники у меня появлялись редко, и в основном из богемной московской тусовки, где я проводила свои выходные. Но надолго около меня никто не задерживался. Всем не нравились мои пышные формы, да и как же иначе, когда вокруг мелькали кучи стройных девушек, а я вся такая пышнотелая и прекрасная, как деревенская баба. И я отчётливо понимала, что эти немногочисленные поклонники клевали на денежки моего папочки, а не на меня.

Я же хотела любви и обязательно взаимной.

Сколько ни пробовала диет, диетологов и постов, ничто не помогало мне сбросить вес. Врачи диагностировали у меня какое-то редкое заболевание, при котором невозможно похудеть.

Это стало для меня трагедией.

Я понимала, что ни семьи, ни любимого мужа у меня никогда не будет, а детей и подавно.

Позже длительные курсы у психотерапевтов, а также медитации по йоге убедили меня в том, что я прекрасна и так.

Наконец я смирилась и решила жить для себя. Развиваться, работать для удовольствия, отдыхать и получать от жизни всё.

Я работала в цветочном магазине, составляла букеты, разговаривала с клиентами и вообще тратила на работу всего пять часов в день. Магазин был мой, папочка купил мне его и продолжал содержать, хотя тот оставался убыточным. Однако я упорно старалась вывести его на прибыль, но никак не получалось. Я могла не работать, деньги у меня и так были, но хотелось чем-то заниматься, реализовывать свой творческий потенциал.

На свой сорокалетний юбилей я решила отправиться в отпуск, и не абы куда, а в какое-то необычное место, где ещё ни разу не бывала.

А вот с этим возникла самая жёсткая проблема.

На Канарах, Гавайях и в Ницце, куда можно было полететь в июле, я отдыхала уже сто раз. С детства меня возили родители по заграницам по шесть раз в год, да и сама я всю свою сознательную жизнь любила путешествовать и объездила все закоулки и дальние страны на земном

шаре, даже в кругосветном круизе через Антарктиду побывала. Папочка не жалел никаких денег на мой отдых, любил безмерно.

Потому, куда поехать теперь, я не знала.

Сидела перед девицей с яркими красными ногтями в крутой турфирме и не могла решить, чего хочу. Менеджер предлагала мне то одну экзотику, то другую: то Бора-Бора, то путешествие по Амазонке с зубастыми кайманами, но я только морщила носик. Всё это уже было, и всё это я уже видела.

И тут вдруг мой взгляд упал на жидкокристаллический телевизор за спиной девицы. Там шла очень странная реклама. На экране мелькали коровы, утки, куры, какой-то комбайнёр и деревянные избы. И закончилось всё это деревенское представление словами: «Хочешь незабываемый отдых? Выбирай эко-отель! «Деревенька 2020» — это рай под открытым небом. Окунись в деревенскую жизнь 19 века и поймёшь, что такое настоящая нирвана».

Я даже зависла, уставившись на экран с открытым ртом.

Вот такого я точно ещё не видела.

Настоящая деревня! Ещё и отель там!

А ведь я видела русскую деревню только на картинках и в телевизоре. Даже ни разу не выезжала за МКАД. Раньше мне это было неинтересно, да и что там смотреть?

Но сейчас я даже воодушевилась.

— А что это за эко-отель? — тут же спросила я девушку.

— О! Весьма милое место, — подхватила мою идею менеджер. — Но это не дешёвый отдых, как вы могли бы подумать, Полина Михайловна.

— Да при чём тут деньги?! — возмутилась я. — Рассказывайте, что туда входит?! Я хочу поехать именно туда!

Глава 3

Деревня Козловка, 19 век

Мужик выволок меня наружу, и я едва не ослепла от яркого солнечного света. Было тепло и солнечно.

Я недоуменно и испуганно огляделась.

Увидела деревянные избы, какой-то покосившийся забор, за которым шумел лес. Мы действительно вышли из какого-то амбара, стоящего рядом с большой избой с вывеской «Трактиръ». А у входа стояло несколько мужиков.

Они как-то весело на нас поглядывали, пока этот ненормальный мужик, приподняв меня за талию, перешагивал через большую лужу. Поставив на землю, мужик по-свойски схватил меня за руку и потащил за собой.

Вообще, его силища меня поражала. Как он так легко поднимал меня и даже ни разу не крякнул от натуги. А во мне все же было килограмм восемьдесят, не меньше.

Я невольно осматривала себя. Вроде это была я, только одета в какой-то жуткий русский сарафан бордового цвета и рябую рубашку под ним, сбоку на груди болталась светлая коса. Похоже, моя. Ничего такая коса, густая, только отчего-то грязная.

Нам по дороге попадались какие-то люди, похожие на крестьян: кто с вилами, кто с железной косой, видимо, шли с поля. Две бабы с коромыслами и вёдрами на плечах. Все такие колоритные, реальные, прямо как настоящие, а не актёры.

Что вообще здесь происходит? Я никак не могла понять.

Хотя, надо признать, костюмы и стилизация под старину в этом эко-отеле были прекрасны.

Мужик продолжал тащить меня по улице, между стоящими по бокам избами, а все любопытные глазели на нас. Некоторые отпускали сальные шуточки о том, что кузнец бедный мужик, работящий, а баба у него совсем пропащая. Я понимала, что говорили обо мне. Но не понимала отчего.

Почему я всё же баба и жена этого кузнеца?

Когда уже кто-нибудь внятно объяснит правила этого странного эко-отеля?

— Чего, Степан Ильич, сыскал наконец, бабу-то свою? — прокряхтела громко какая-то бабка, сидящая на завалинке. Мы как раз проходили мимо её покосившейся избы. И дала совет: — Проучить её надо как следует. Выпори её, Степан, а то постоянно беснуется у тебя.

Это меня выпороть?

Что-то от слов бабки мне совсем поплохело, и в голове стали рождаться странные мысли. А я точно приехала в эко-отель? Не в какую-нибудь секту? Или ещё куда? Всё же за свои триста тысяч хотела интересно отдохнуть, расслабиться. А тут этот мужик, чего-то требующий от меня, и ещё и советчики с порками.

— Перед людьми меня позоришь, Глашка, — бубнил недовольно мужик. — Как мне потом им в лицо-то смотреть?

— А ты не смотри, — едко выдала я, быстрее перебирая ногами, чтобы успеть за его широким шагом.

Послушно шла за мужчиной. Всё равно не знала, куда идти. А он вроде знал.

Я снова и снова осматривала себя. Похоже, со мной все было в порядке. Ничего не болело, кроме гудящей головы. Волосы мои, светлые. Только отчего-то заплетены в толстую косу.

В зеркало бы посмотреть, как выгляжу. Наверняка на голове чёрт-те что после того сена, где я спала, и ещё сарафан этот. Постоянно о его длинный подол запиналась, едва не падала.

Но мужик даже иногда придерживал меня и как-то косо смотрел. Наконец до меня дошло, что сарафан надо приподнимать рукой. Сразу стало легче идти.

— Ох, давно мне батя говорит: бросить тебя надо, Глашка. А я столько лет зачем-то терплю твои выходки. Какого лешего тебя вчера в трактир понесло на ночь глядя?

— Не знаю. Может, забыться хотела? — выдала я первую пришедшую в голову версию.

— Забыла ты совесть и долг свой, баба неразумная. Четверо детей у нас, а ты всё гульванишь, как молодуха.

— Так я и не старая.

— Тридцать семь лет тебе, и не старая? Скоро уж детки у Егорки народятся, бабкой станешь. Кончай чушь пороть! Надоела!

И только тут меня осенила шальная мысль.

Я не в эко-отеле, а где-то в другом месте!

В настоящей деревне. Только не в придуманной или костюмированной, а в реальной. И, похоже, время не то, старое какое-то, дореволюционное.

Я что, попаданка?

Папочка родный! Нет, этого просто не может быть!

Глава 4

То, что реально попала не туда, куда планировала, я поняла уже через пару минут. Может, у меня галлюцинации или ещё какой дурман? Я пару раз ущипнула себя, но картина изб, полей и леса за ними не менялась. Собаки и курицы бегали по дороге, совершенно живые и настоящие, поселяне выглядели живописно, но тоже реально.

Я попала в прошлое или в иной мир? Непонятно.

Я занервничала. Все вокруг было такое новое, незнакомое — как люди, так и обстановка. Один этот агрессивный бугай, называвший меня своей женой, чего стоил!

Жутковато, конечно. Но поддаваться панике и эмоциям тоже не следовало, так учили все мои психологи. Надо успокоиться и решить, что делать дальше. Разложить все плюсы и минусы ситуации, проанализировать и сделать выводы. Но одно уже утешало: окружающий пейзаж и местность походили на русскую деревню, и все вроде говорили на моем родном языке — это уже хоть что-то.

Косясь на своего «мужа», я невольно отмечала все его изъяны и привлекательные черты. Вторых было больше. Изъяны тоже имелись. Например, громкий голос и буйный нрав. Но также в нем чувствовалась какая-то потаённая сила, внешняя и внутренняя, а ещё надёжность и степенность.

А вообще, мужик ничего такой. Красивый, видный. Плечи широкие, на лицо симпатичный, руки крепкие. Поступь широкая, кулак мощный. Такой, если ударит, точно по пояс в землю загонит. Так и не скажешь, что крестьянин, больше на богатыря смахивал. Хотя много ли я в своей жизни в реале видела крестьян? Ни одного до этого дня.

Но больше всего нравился взгляд Степана. Прямой, открытый и добрый какой-то, хотя ещё четверть часа назад был злющий. Похоже он из тех мужчин, что пошумят и успокоятся. Вспыльчивый, но отходчивый.

Так, сканируя глазами мужика, я вдруг действительно представила себя его женой.

А что? Даже интересно стало. Как это там, замужем? Мне-то раньше этого и не светило в моём мире. Тут же вот уже готовый муж. Правда, знала я его всего полчаса, не больше, но отчего-то хотелось познакомиться получше. И возрастом Степан был ничего. Не старый, не юнец, лет сорока или около того.

Пришла спасительная мысль.

Раз уж я попала сюда и пока живу здесь, надо попытаться выжить в этих условиях. Ведь ничего другого мне не оставалось. Что ж, будем пробовать.

Эти мысли крутились у меня в голове, когда мы наконец не подошли к высокому частоколу с воротами. Во дворе стояла добротная изба в шесть окон, а на ступеньках около входа сидел мальчик лет шести и горько плакал.

Увидев нас, он вскочил на ноги и завопил:

— Мамка, я руку разбил! Больно!

Это он мне? Что там Степан, который мой муж, говорил про детей? Что вроде Васька — мой сын и откуда-то упал.

— Всё, Глаша, управляйся сама. Я в кузню! — заявил мужик, быстро подойдя к колодцу, зачерпнул воды деревянным ковшом из стоящего рядом полного ведра и начал жадно пить.

Я обвела глазами широкий двор с деревянными постройками и снова остановила взор на светлой голове мальчика, который дёргал меня за юбку и продолжал голосить.

Я совсем потерялась.

Да и как тут не растеряешься? Детей у меня никогда не было, да и обстановка вокруг незнакомая: бегающие по двору куры, деревянная изба и колодец с поленницей. А я-то в городе выросла, всё для меня сейчас в диковинку. Решила спросить новоявленного мужа.

— А что мне делать, Степан? — тихо пискнула я.

Мужик едва не поперхнулся водой. Обернулся и опять грозно зыркнул на меня. Видимо, решил, что я придуриваюсь или ещё чего.

— Ох, непутёвая. — Он со звоном поставил ковш на колодец. — К знахарке Ваську веди. И обед готовь. Егорка с Танькой с сенокоса вернутся, жрать захотят. Я только к вечерней зорьке буду.

Он быстро ушёл, а я обратила взгляд на мальчика, который продолжал горько плакать.

Надо было что-то делать. Мотнула головой.

Что я в самом деле! Ребёнку больно, а я, как дурында, торможу.

Быстро присев на корточки перед ним, участливо спросила:

— Где больно, малой?

Мальчик указал на запястье, продолжая реветь.

— Так, надо зафиксировать руку, — произнесла я. — Вот так, придержи пока её другой рукой и не шевели, постарайся. Есть у вас тут тряпки или полотенца какие?

— В доме… — прогнусавил мальчик, послушно держа ушибленную руку.

Мои же мысли наконец стали более разумными и сосредоточенными.

Снова огляделась: изба из нового сруба с широким крыльцом, курицы бегают по двору, а ещё свинья почему-то роет землю около сарая напротив. Почему она не в стойле? Или как там это называется, где живут свиньи? Хлев? Неважно. Снова обратила взор на мальчика.

Если уж занесло меня сюда и нужна моя помощь, отчего не помочь? Отец занят, мальчонку жалко. Что, я не помогу, что ли?

Я посадила Васю обратно на крылечко, сама проворно зашла в дом. Там было темно, прошла что-то типа сеней, пытаясь разглядеть во мраке хоть что-то. И в следующую минуту свалилась, запнувшись о железное ведро, полное какой-то грязной субстанции и воняющее.

Поднялась с колен, нахмурившись, и тут отворилась дверь впереди, и детский голос выпалил:

— Мамка, прости! Я ведро с помоями для свиней выставила, не успела снести им.

Около меня оказалась русая девочка лет семи и помогла мне подняться.

— Ты кто?

— Алёнка я… Ты больна, мамка, ослепла? — спросила испуганно девочка. — Меня не видишь?

— Просто не разглядела тебя в потёмках, — ответила я, одёрнув сарафан и поняв, что это очередной ребёнок Степана. Ну а раз он мой муж, значит, и мой. — Аленушка, мне нужна длинная тряпка или простыня, руку Васе перевязать. Ты же знаешь, где найти?

Я как будто играла какую-то странную роль матери, крестьянки, живущей в этом доме и в этом времени. Вообще, как бы не тронуться умом от всего этого.

Но решила все более детально обдумать попозже, а сейчас нужно было помочь мальчику.

Глава 5

Алёнка оказалась смышлёной девочкой. Она быстро нашла то, что надо, мы с ней перевязали руку Василию и закрепили перевязку через плечо. Потом я спросила, где живёт эта знахарка, и Алёнка, как-то странно поглядывая на меня, сказала, что отведёт нас.

Я взяла детей, и мы пошли по улице в сторону реки, там жила нужная нам старушка. Вася уже почти не плакал, и я осторожно придерживала его за плечики и постоянно спрашивала, как рука. Он отвечал, что болит, но уже несильно. Все-таки верно, что мы зафиксировали его руку. Мои старые навыки оказания первой помощи и участие в санитарной дружине в институте не прошли даром и теперь пригодились.

На удивление, сейчас местные не косились на меня, как с утра, когда мы шли со Степаном по деревне. Только здоровались и проходили мимо. А я решила всё выведать у девочки, пока было время.

— Аленушка, дочка, скажи, а отец ваш кузнец?

— Кузнец, мамка, — кивнула она. — Ты всё же заболела?

— Головой нечаянно ударилась, оттого многое позабыла. Ты должна помочь мне. Хорошо? Я поспрашиваю тебя, а ты отвечай, что знаешь. Ты же поможешь своей маме?

— Хорошо, — согласилась Алёнка.

В общем, пока мы шли к знахарке, я выяснила некоторые моменты своей новой жизни.

Звали меня Глафирой, и я была замужем за Степаном Осиповым, кузнецом. У нас было четверо детей, и всю жизнь жили мы здесь, в деревне.

Точный год, какой шёл теперь, Алёнка не знала, но сказала, что царь Александр Николаевич прошлым летом «на трон сел». Я так поняла — царствовать начал. Историю Российской империи я знала плохо, но смутно помнила, что было три царя Александра. Первый был сыном Павла, второй Николая. И второй вроде правил приблизительно в середине девятнадцатого века. Но время, похоже, было ещё до отмены крепостного права. Алёнка сказала, что мы все, как и вся деревня, крепостные местного помещика Кузякина. И деревня Козловка, в которой мы жили, принадлежит ему.

Наконец мы пришли к знахарке. Нам повезло, и бабка Нюра, как называла её девочка, оказалась дома, хотя обычно по утрам ходила по лесу в поисках трав и кореньев. Мы с детьми вошли в низенькую избу, я предварительно постучалась.

— А, Глашка! — заговорила хрипло седая старушка, отходя от печи, где варила что-то. — Приключилось чего?

— Здравствуйте, Нюра, — начала я.

— Чего это ты на вы ко мне? Я чай не барыня. Ты заболела, что ли, Глашка? — подозрительно спросила старуха, поковыляв к нам.

— Матушка сегодня головой болеет, бабушка, — ответила за меня Алёнка. — Не серчай на неё. Мы Ваську привели. Он с голубятни упал и руку расшиб.

— А-а-а, — протянула старуха. — Садись сюды, пострелёнок. Давай посмотрю.

— Мы зафиксировали руку, он на кисть жалуется, — объяснила я, подходя.

Старуха как-то странно взглянула на меня, и я поняла, что сказала что-то не так. Может, слово «зафиксировали» её смутило? Оно, наверное, было слишком современное, из моего времени.

— Так, Васька, понятно всё, — закивала старушка после быстрого ощупывания и осмотра. — Кость выпала, надо на место поставить. Будет больно, но надо сделать.

Я поняла, что она говорит о вывихе и будет вправлять кость на место. Я обняла мальчика и сказала:

— Вася, это быстро будет. Потерпеть надо немного.

— Да, верно мамка говорит, — поддакнула знахарка. — Ты, Глаша, плечи его держи, чтобы не дёрнулся от боли, пока я кость поставлю.

На удивление, старушка сделала всё так быстро и чётко, что не прошло и пары мгновений. Дёрнула с размаху руку и всё. Вася только один раз вскрикнул и сжал губы, чтобы не заверещать.

— Всё, малец.

— Ты молодец, Васенька, — похвалила я мальчика. — Такой храбрый, как отец твой.

Мои слова явно понравилась мальчику, и он даже заулыбался.

— Теперь надо обратно перевязать руку, — скомандовала бабка. — Снова перетяни тряпицей, как и было. — Теперь, Глаша, смотри, чтобы дня три–четыре не двигал он рукой. Всё и пройдёт.

— Спасибо, бабушка. А может, мазь какую надо? Вон у него как опухло всё.

— Мази нет, а вот настойку дам. Будешь ему примочки по три раза на дню делать на руку, всё и пройдёт. Скажу, как надо.

Мы взяли у старушки настойку и поблагодарили. Перед уходом я спросила, сколько ей надо заплатить за услуги.

— Ты чего, Глашка, белены объелась? Какие ещё деньги? Пусть как-нибудь Степан с Егором придут, крышу мне починят. Она что-то протекать стала.

Я кивнула, не понимая, что не так с деньгами. Надо было узнать про это подробнее, и, наверное, не у Алёнки, а у Степана.

Мы направились домой, и я снова начала расспрашивать милую Алёнку о жизни Глаши Осиповой.

Кроме Василия и Алёнки, у Глафиры, а теперь, видимо, у меня, было ещё двое старших детей: Таня и Егор. Татьяне было семнадцать лет, а Егору — восемнадцать. Сейчас они отрабатывали барщину на поле, что находилось неподалёку, косили рожь. Каждая семья должна была пять раз в неделю отрабатывать барскую повинность, и так как Степан работал постоянно в кузне, а я была почему-то немощна, в поле работали Таня и Егорка.

— Отчего же я так немощна, что на поле не работаю? — спросила я Алёнку.

— Тятя говорит, что у тебя ноги больные и голова, ты всё время спишь. И что толку от тебя никакого.

Я вспомнила, что раньше в деревне папу называли «тятя».

— Неужели? — удивилась я, осматривая себя.

Вроде сейчас у меня ничего не болело. И даже одышки не было, хотя шли мы по деревенской улочке довольно быстро. Мне даже отчего-то казалась что тело моё будто худее было, чем прежнее.

— Да, — вздохнула Алёнка. — А всё оттого, что ты в трактир любишь захаживать. Это очень не нравится батюшке. Он тебя всё время бранит за это.

Так. В трактир, значит. А что я в трактире забыла? В трактире же пьют и едят, и зачем это мне? Муж у меня, детей четверо.

И тут меня снова осенило...

Я пьяница, что ли? Оттого у меня голова болит всё время и я сплю?

Ужас какой! Никогда не любила спиртное, да и последние лет десять не употребляла. А тут такое. Теперь понятно, отчего я спала в сарае рядом с трактиром. Похоже, напилась вчера и захрапела там.

Чем дольше я размышляла над всем этим, тем мрачнее становились мои мысли.

Степан, который мой муж, вроде работящий, вон как в кузню рвался. Дети тоже. Одни на поле, а Алёнка уже отчиталась, что с утра картошки целый котелок начистила и свиньям помои поесть приготовила.

А я, значит, в хлеву валялась с утра непонятно где. Вот я, конечно, «образцовая» мать семейства.

Глава 6

Осознав всё это, я вдруг разозлилась. Не на себя, а на эту Глашку, на место которой попала. Все у неё было: и дом, и семья, и муж, и дети, — а она шлялась по трактирам. У меня в моем времени даже призрачной надежды не было на всё это. Да, конечно, Глаша была крестьянкой. Ну и что? Жили же как-то люди и в то время, и в деревне. Ведь почти восемьдесят процентов населения так жило при царях.

Именно в тот миг мне отчего-то захотелось все исправить. Точнее, исправить жизнь этой дурной Глашки, стать другой. Вон Алёнка какая чудесная девочка, да и Вася ничего, уже совсем не плакал, поджимая губы, терпел и придерживал свою ушибленную руку. Да и в избе знахарки, когда вправляли его руку, вёл себя как маленький герой.

А ещё было поразительно, что я попала сюда в своём собственном теле, это я точно видела. Но почему окружающие не замечали подмены, что я никакая не Глаша Осипова? А может, она была похожа на меня как две капли воды? И того же возраста? Судя по детям и словам Алёнки, Егору, старшему сыну кузнеца, недавно исполнилось восемнадцать, он вполне мог быть моим сыном. Раньше в деревнях девушек выдавали замуж рано, лет в шестнадцать.

Получается, я попала сюда не только в своём теле, но и в почти том же возрасте. Глаше было тридцать семь лет, а мне сорок.

Очень хотелось посмотреть на себя в зеркало, на лицо и фигуру. Но в избе кузнеца не было ни одного.

— Алёнушка, а есть ли у вас зеркало где? Дома или у соседей? — спросила я, пока мы шли по улице в сторону нашего дома.

— Зеркало? Это в которое, как в водице, лицо видно? Нет, нету.

Я нахмурилась. Понятно. Глухая русская деревня, девятнадцатый век, одним словом.

— А давай спустимся к реке, — предложила я, отмечая за ближайшими кустарниками и дворами голубую ленту реки. — Ты же знаешь, где тут можно подойти, Алёна?

— Вон там, за той избой причал для лодок есть. А тебе зачем, мамка?

— Отражение своё хочу увидеть. А Вася пока нас здесь подождёт, посидит на пенёчке в теньке. Мы быстро.

Итак, мы с Алёной спустились к реке. Там я, встав на четвереньки на деревянном помосте, минут десять разглядывала своё лицо и плечи в неподвижной водной глади заводи. Вроде лицо было моё, но видно плохо. Всё же надо как-то раздобыть зеркало.

Алёнка стояла около меня и тихо спросила:

— Мамка, а что у тебя с лицом? Вроде не грязное.

— Главное, что моё, Алёна.

— Че это ты, Глашка, решила окуней зубами ловить? — вдруг раздался женский голос рядом.

Я невольно обернулась. Две бабы с полными корзинами белья стояли рядом и весело глядели на меня. Пришли стирать бельё на реку. А я распласталась на помосте и выглядела, наверное, глупо.

— Ленту в воду уронила, её и поднимала, — ответила я, быстро поднимаясь на ноги. — А вообще, не ваше дело. Пошли, Алёна.

Мне не понравились их ехидные замечания и наглые взгляды. Мы с Алёной быстро прошли мимо баб, но одна из них нам вслед желчно выдала:

— Чего это не наше-то? Пока ты тут, Глашка, ленты ловишь, Ульяна твоего мужика пирожками кормит.

Я резко остановилась. Какая ещё Ульяна? И какого ещё мужика?

Степана, что ли, моего мужа? Или кого?

Вряд ли они говорили про Степана. Он мужик верный, степенный, правильный. Сразу видно, что на каких-то там Ульян не будет зариться. Да и когда ему? Он же в кузне целыми днями работает.

Решив, что бабы говорят какую-то ерунду, я взяла Алёнку за руку, и мы поспешили к Василию.

Вернулись домой с детьми, уже когда солнце стояло в зените.

Осмотрелась по сторонам. Только сейчас заметила, как в избе грязно. Повсюду какие-то опилки на полу, шелуха луковая, на столе пыль и крошки, да и окна грязные, мутные. Ведро с помоями для свиней так и стояло посреди прохода.

— Так, Вася, ты пока здесь садись на лавку, — обратилась я к мальчику. — Лучше рукой не двигай. А мне Алёна покажет, как свиньям еду дать.

Девочка закивала, и я пошла за ней, потащила ведро с помоями. Когда мы вошли в небольшой хлев, где на насесте сидели куры, в загоне стояла одна упитанная свинья. Она деловито рыла пятачком землю и грязные яблоки, лежащие возле широкого корыта.

— Мамка, Лежебока убежала! Нет её! — завопила испуганно девочка.

— Это кто? Свинья? — спросила я, вспомнив, как видела одну во дворе.

Ещё удивилась, почему она не в хлеву.

— Да!

— Ну, дальше двора не убежит, там же забор. Где-то здесь бродит.

— Она же умная! Ты и это позабыла, мамка? Она знает, где дырка в заборе! Её же теперь не поймать будет, если она на улицу убегла.

Мы с Алёнкой бросились наружу, чтобы немедленно поймать свинью, пока она далеко не сбежала.

Нам повезло, и Лежебока к дыре не побежала, а улеглась на солнышке в лужу с задней стороны дома, там, где стояла баня. Свинья довольно лежала и загорала. Я даже обрадовалась. Что-то совсем не прельщало бегать за свиньёй по деревне. И так с утра все поселяне потешались, когда Степан тащил меня домой, словно блудливую корову. А если свинью сейчас начну ловить, так вообще подумают, что я безумная баба.

Потому я похвалила Лежебоку за её сознательность, и мы с Алёнкой поволокли животное в хлев. Свинья упиралась, взвизгивала и тормозила копытцами. Явно хотела дальше принимать солнечные ванны в грязи. Но нас с Алёнкой было не переубедить. В общем, определив вторую свинью в загон, мы вылили в корыто помои из ведра и закрыли сарай на деревянный засов. Как сказала моя новая дочка: «для надёжности».

Уже хотелось есть, потому, едва мы вернулись обратно в избу, я спросила у девочки:

— Алёна, помоги мне обед приготовить. Где у нас тут крупа или ещё что?

— Мамка, так я же котелок картошки начистила, давай её сварим.

— Хорошо, а с чем? Мясо у вас есть? Или курица?

— Нет, курицу нельзя, тятя ругаться будет. Её только по праздникам едим.

— А как же тогда, пустую картошку есть? — спросила я у девочки.

Я правда не знала, как они тут готовят без мяса.

— Мать, ты чего? Грибы же за печкой сушёные, их добавь, — раздался вдруг приятный девичий голос от дверей. — Жарко, мочи нет.

В большую горницу вошла девушка лет семнадцати, с длинной русой косой, в светлой рубахе и тёмной юбке. Быстро подошла к ведру с водой и, зачерпнув ковшом, стала жадно пить.

— Я так понимаю, жрать опять нечего, — заявил молодой человек, входя за девушкой. — Печка даже не топлена.

Парень был высокий, светловолосый, похож на Степана, только худее, но роста того же. Молодой, в светлой рубахе-косоворотке и штанах, подпоясанный синим кушаком. В лаптях, как и девушка.

Я поняла, что это Таня и Егор. Девушка устало плюхнулась на лавку, оперлась спиной о стену, вытянула уставшие ноги.

— Нам через полчаса обратно на поле идти, мать! Хоть бы хлеба испекла, — проворчал парень, также зачерпнув ковшом холодной воды.

Глава 7

— Мы не успеем сготовить, братец! — затараторила Алёнка. — Давай я вам хлеба отрежу и сметаны достану из-под пола.

— Доставай, — махнул он рукой и уселся рядом с девушкой, опершись о деревянную стену.

Прикрыл глаза, видимо, пытался отдохнуть.

Я стояла, поджав губы, и держала в руках котелок с чищеной картошкой. Не знала, что делать. Сейчас точно сварить её было нельзя, да и как? Я даже не знала, как разжигать печку.

Мне отчего-то стало не по себе.

Что я за мать такая, когда дети пришли с поля уставшие, а в доме даже поесть нечего. Верно Степан говорил, что я непутёвая.

Вообще, я была плохая мать, точнее, Глашка эта. А я такая же неумеха: ни печь растопить, ни картошку сварить.

— Алёнушка, достань хлеб, будь добра, — попросила я девочку. — А ты, Егор, не переживай. Я картошку сварю и могу вам в поле принести, чтобы вы поели.

— В поле пойдёшь, мать? — Парень даже открыл глаза. — Туда почти полверсты топать.

— И что? Алёнка мне покажет. Мы принесём, не проблема.

В этот момент Алёнка достала хлеб и пошла за сметаной, я помогала ей открыть тяжёлый люк погреба. Пока лазили с ней внутрь, я тихонько спросила:

— А у нас что и корова есть?

Всё же если была сметана, то делалась она из молока.

— Есть, — кивнула Алёнка. — Её Танька с утра доит, а я на ночь.

— Ясно, — кивнула я.

Опять дети доят. А я что делаю? Похоже, только болею после похмелья и бездельничаю.

Даже противно от себя стало нынешней. Конечно, я понимала, что раньше на моем месте была Глаша, но это не успокаивало отчего-то. Надо было хоть как-то помочь окружающим людям. Все трудятся, при деле, одна я какая-то бестолковая, не зря меня Степан так называл.

После того как старшие дети ушли на сенокос, мы Алёнкой затопили печь и поставили вариться картошку. Грибы, указанные Таней, я нашла, чуть замочила, чтобы добавить потом. Девочка указала мне, где у нас всякие травки для готовки, и я по нюху распознала сушёный чеснок и тмин. Моя новая дочка всё мне показывала и рассказывала. Мне даже показалось, что Алёнка рада, что я всё у неё спрашиваю и мы всё делаем вместе.

Пока готовилась картошка, я решила осмотреть дом и остальное хозяйство. Мне было всё интересно, ведь я ни разу не гостила в настоящей деревне. А человеком я по жизни слыла любопытным и лёгким на подъём.

Хозяйство кузнеца оказалось небольшим. Добротная изба имела пять комнат, большую горницу, высокую крышу и широкое крыльцо, более походившее на веранду. Во дворе стояли баня, хлев для скотины и даже небольшая конюшня в два стойла для коней. Жеребец тоже имелся, гнедой, красивый, звали его Бурый. В большом сарае справа от колодца находилась телега и сельскохозяйственные инструменты: плуг, оглобли, колёса...

Имелась и ещё одна хорошая новость. Мне удалось наконец разглядеть себя как следует. Грязные окна в избе прекрасно отражали дневной свет. Оттого, пододвинув лавку во дворе, я, наверное, четверть часа разглядывала своё отражение. И осталась очень довольна.

Это была точно я: моё лицо, глаза, мимика и тело. Но самым классным оказалось то, что я была, наверное, на два размера меньше, чем прежде. Пятидесятый точно. Наверное, жизнь этой Глашки текла не так спокойно и беззаботно, как моя прежняя, поэтому она и была чуть похудее меня. Но всё равно я оставалась пышечкой.

Довольная, я слезла с лавки и решила прибраться в доме, пока готовилась картошка. Моя маленькая дочка Алёнка помогала во всём. Васька сидел во дворе и здоровой рукой пытался кидать ножик в бревно, тренируясь. Он больше не плакал, а Алёнка сказала, что его обязанность — носить поросятам и курицам еду, а ещё корове и нашему жеребцу.

Спустя полчаса картошка с грибами приготовилась. Мы с Алёной добавили для вкуса укроп и петрушку, которые я нашла в огороде. Накормив младших детей и поев сама, я хотела отнесли картошку и в кузню Степану, но Алёнка сказала, что тятя не обедает и недоволен бывает, когда его отвлекают от работы.

Завернув горячий котелок в два рушника, я поставила его в корзинку, достала из погреба крынку молока и нарезала оставшийся хлеб. Мы с Алёнкой поспешили в поле. Васю оставили дома за главного.

— Ну, мать, ты даёшь! — пробубнил Егор, уминая за обе щеки тёплую картошку и как-то подозрительно поглядывая на меня. — Думал, брешешь, что собралась идти сюда.

— Зачем мне врать, Егор? Сегодня я себя хорошо чувствую, потому всё и успела.

— А раньше тебе всё равно было. Голодные мы или сытые. Почитай, бабка Дуня нас выкормила и вынянчила, пока ты по трактирам гульванила.

Егор явно недолюбливал меня, это было сразу видно. Наверное, осуждал гулящую мать, которая шлялась по кабакам. Но это было неудивительно. Однако заслуживать его любовь я не собиралась. Зачем мне? Он уже взрослый. Как сказал Степан, скоро у него появится свои дети и своя семья. Жить с нами не будет.

И тут я задумалась. А надолго ли я здесь? Вдруг завтра вернусь в своё время?

— Спасибо, матушка, накормила нас, — вмешалась Таня, решив сгладить злые слова брата. — Вот если бы ты ещё пирогов вечером испекла, мы бы так обрадовались.

Это новое задание, как прохождение очередного уровня в компьютерной игре, меня немного напрягло. Я умела печь пироги и пирожки, но делала это только из готового теста. Сама ставить опару не умела. Потому на слова девушки только напряженно кивнула, размышляя, где достать в этой деревне тесто?

Глава 8

Насытив наших работников, мы с Алёнкой поспешили домой. Надо было до конца прибрать в доме, а ещё накормить скотину и куриц.

Провозились мы с делами до вечера. Вымыли лавки, полы и три окна в большой горнице, примыкавшей к кухне, почистили от сажи печку. Остальные комнаты я решила убрать в ближайшие дни. А самое главное, я научилась управляться с ухватом и топить печку. Почти полчаса Алёнка учила меня, как ставить ухватом в печь чугунок и как его доставать, чтобы не вывалить еду. Освоив это непростое, как оказалось, дело, я, как дуреха, обрадовалась.

В общем начала постигать все премудрости деревенского быта.

Я уже умела топить печь, управляться с ухватом, готовить тюрю для свиней и собирать яйца из-под куриц, чтобы не клюнули. И всё нахваливала свою маленькую помощницу, Алёнку, без которой точно бы не управилась со всем.

В сундуке у Глаши оказалось всего три летних сарафана, пять рубах, какие-то тряпки и тёплые вещи. Сегодня я решила доносить одежду, в которой была, а на завтра надеть чистое.

На ужин мы с Алёнкой сварили пшённую кашу на молоке и сделали зелёный салат из редиса, огурцов, которые росли на небольшом огороде у дома. Добавили сметаны и варёных яиц.

Пирог я, конечно, не испекла, потому что Алёнка не знала, как замешивать тесто. Я так поняла, что Глашка это делала редко и давно. Можно было попросить помощи у соседей, но, как сказала дочка, я с ними была не в ладу. И обе соседки со мной не разговаривали и даже делали пакости: подкидывали навозные кучи к воротам, ломали ветки наших яблонь.

Понимая, что у Глафиры, а теперь, значит, и у меня были недруги, я решила разобраться с этим завтра или в ближайшие дни. Не любила заводить с кем-то тёрки или конфликты.

На удивление, все деревенские дела я осваивала с большой охотой. Хотя никогда ничего подобного не делала, но мне было так интересно, что я с энтузиазмом мыла окна и складывала развалившуюся поленницу. В прошлой жизни у меня была домработница. Готовила, правда, я сама, но часто заказывала еду. А сейчас всё мыла и прибирала своими руками, и это было так необычно и увлекательно, как некая игра, совершенно другая жизнь, которая пока для меня в диковинку.

Около девяти вечера мы всей семьёй сидели за большим столом. Наложив всем в деревянные миски каши и зелёного салата, я ждала реакции детей и мужа. Все начали жадно есть, уминая за обе щеки, и я поняла, что ужин удался. Сама сидела рядом с Васей и помогала ему: то подавала хлеб, то подливала молока. Он единственный мне на ухо шепнул, что каша вкусная и чтобы я ещё положила ему салата.

Я тоже с удовольствием поела немного каши, из русской печи она имела необычный прекрасный вкус, но больше налегала на салат со сметаной. За столом Таня и Егор обсуждали, что им ещё две недели придётся трудиться в поле. В этом году уродилось много ржи и пшеницы. Алена перед всеми похвалилась, что уже подоила корову, и получила ласковое слово от отца.

Вообще, Степан был немногословен. Говорил кратко и по делу. Мне это нравилось. Никогда не любила болтливых мужчин. Все с аппетитом ели, а я отчего-то чувствовала себя настоящей хозяйкой дома, точнее, хозяйкой в этой большой семье, и мне это нравилось.

В очередной раз я засмотрелась на Степана. Всё же красивый мужчина, взгляд спокойный, уверенный. Короткая русая борода подчёркивала его мужественность, а густые волосы, собранные в низкий хвост, открывали волевое лицо.

В моей голове появились странные мысли о том, что супружеский долг с таким мужчиной не такая уж ужасная участь, а даже наоборот. Но, скорее всего, интимной близости между Глашей и мужем уже не было: всё же двадцать лет женаты, уже точно устали друг от друга. А

жаль, я бы, наверное, не отказалась от такого удовольствия. Ведь в своей жизни всего несколько раз была близка с мужчинами, и то это было несерьёзно.

Опять окинув статную фигуру Степана глазами, я невольно вздохнула. Он тут же посмотрел на меня и прищурился, явно размышляя о чём-то. Да и весь ужин смотрел на меня как-то пронзительно, изучающе. Может, я что-то сделала не так? Или ещё отчего-то? Я терялась в догадках, а он за всё время обронил в мою сторону только одну фразу:

— Знатная каша вышла, Глаша.

И как тут понять, всё верно я делала или нет? Но, в общем, все домочадцы уплетали за обе щеки, запивали еду молоком.

Уже когда стало смеркаться, я убирала со стола, чувствуя, что совершенно нет сил. Но усталость была приятная, душевная, словно сегодня я выполнила всё на отлично.

Вымыв посуду вместе с Алёнкой, я решила проверить кровати и постели. Почему-то спала я в отдельной комнате, самой дальней от большой горницы. Простыни и наволочки на подушках были несвежие, и я решила завтра с утра затеять стирку.

Егор с Танюшей долго сидели на завалинке на улице, щёлкали семечки, младшие ребята залезли спать на печку. Степан до поздней ночи колол дрова во дворе. Я же отправилась спать.

Уснула быстро, едва бухнулась головой на мягкую перьевую подушку. Снилось мне что-то странное и приятное. Как будто я бегу по цветущему лугу за руку со Степаном. Мы молодые, красивые, лёгкие.

Проснулась неожиданно от шороха рядом. Ощутила, как чьи-то губы жадно целуют мою шею, а моей спине прижимается горячее, сильное тело. От мужчины пахло свежестью утренних трав и чем-то терпким. Ощущая, как крепкие руки гладят мои плечи и грудь, я тут же проснулась окончательно.

Было темно и тихо. Глубокая ночь. Окно распахнуто, но прохладой совсем не тянуло.

Как Степан оказался рядом со мной на постели, ещё и обнажённый, меня мало волновало. Именно об этом я думала и мечтала за ужином, и вот оно уже сбылось.

Отчего-то в этот миг я хотела одного — близости с ним. Он уже нравился мне довольно сильно, так отчего же не воспользоваться возможностью, которую предоставила мне судьба? В кои-то веки мужчина изъявил горячее желание быть со мной, оттого что хотел именно меня, а не денежки моего папочки.

Потому отказываться от предложенного я не собиралась.

Глава 9

Не теряясь, обняла Степана. Поцеловала его в ответ, наслаждаясь мускулистым, сильным телом, чуть прикрыла глаза. Ощущала, что он действует очень умело, не торопясь. Мне нравилось, как его тёплые, мозолистые пальцы, даже немного жёсткие, гладят, ласкают меня, вызывая горячее желание в теле.

Мужчина был настойчив, покрывая поцелуями мою грудь, живот. Быстро стянул с меня рубашку, раздвигая ноги. Далее я оказалась в урагане ласк, жадных поцелуев и прочих интимных радостей…

Степан оказался ласковым и умелым любовником. Хотя я мало разбиралась в этом деле, но мне всё очень и очень понравилось.

После мы лежали, обнявшись. Я чувствовала, что мне приятна близость кузнеца, а ещё, что я по уши влюбилась в него. И это поразительно, ведь легкомысленной я никогда не была. Но сейчас хотелось забыть обо всём и просто наслаждаться близостью этого мужчины и надёжностью.

— Ты такая умница сегодня, Глаша. И ужин сготовила, и дом прибрала, — произнёс вдруг Степан гортанным голосом, целуя меня в макушку. — Даже непривычно как-то.

— Я старалась, — ответила я ласково.

Мужчина провёл ладонью по моей обнажённой ключице, лаская. Заглянул в глаза.

— И даже не скандалила, что поздно пришёл.

— Зачем скандалить? Ты же домой пришёл, а не куда-то ещё, — пошутила я.

— Тоже верно, голуба моя.

Уснула я у Степана на плече, довольная и умиротворённая. А в моей голове вертелась одна мысль: как было бы замечательно остаться здесь, в этом месте и времени, подольше, хотя бы на месяц или два…

— Мамка, вставай, — раздался над моим ухом девичий голосок.

Я открыла глаза и уставилась на милое лицо девочки, пытаясь сообразить, кто это. Тут же вспомнила, что я теперь Глаша Осипова, жена кузнеца и живу в другом времени.

— Алёнка? — улыбнулась я, осматриваясь и видя, что на кровати я одна.

В распахнутое окно тянуло утренней прохладой, и первые лучи солнца едва озаряли мою небольшую горницу.

— Тятя велел тебя разбудить. Сказал, чтобы ты не забыла сегодня к бабушке Дуне сходить за грибами.

— А, хорошо.

Оказалось, что Степан и Таня с Егором уже ушли на работу: в кузню и в поле, хотя на улице едва светало, было часов семь утра. Я спросила девочку про завтрак, и она ответила, что они поели только сухого хлеба с салом.

Я расстроилась. Вчера вечером планировала встать пораньше и напечь хотя бы блинов на завтрак, а теперь опять выставила себя бездельницей и лежебокой, как та свинья, что валялась в луже на солнышке.

Но Алёнка на мои огорчения ответила, что раньше я в жизни завтраки не готовила, а спала обычно до обеда. Потому отчаиваться я не собиралась. Всё равно освою эти деревенские премудрости и образ жизни. Цель я себе уже поставила.

— Сейчас умоюсь, дочка, и мы что-нибудь приготовим на завтрак вам с Васей. Вы же ещё не ели? — спросила я, вставая с кровати, и быстро заправляя её.

— Нет. Только, мамка, надо корову подоить сначала. Она уже час страшно ревёт, вымя у неё болит. Ты сказала вчера без тебя не доить, сама будешь.

Я вспомнила, что действительно попросила Алёнку об этом, хотела научиться доить корову и доказать всем и себе, что не такая уж бестолковая.

— А, хорошо. Сначала корову, потом завтрак, — согласилась я, уже надевая рубашку и сарафан.

Опять вспомнила объятия Степана, и меня бросило в жар. Да за такого мужика точно надо было побороться, точнее, я хотела, чтобы он перестал считать меня дурной женой.

Итак, моё утро началось с нового опыта, а точнее, с очень сложного задания.

Дойки коровы Зорьки.

Когда мы с Алёнкой подошли к чёрной в белых пятнах корове, она даже перестала жевать и хмуро уставилась на меня. Или не ожидала меня увидеть в хлеву, или ещё что.

Корову я раньше видела только на картинках в интернете. Но однажды мне довелось в Таиланде отбиваться от диких обезьян на одной из экскурсий. Эти хвостатые прыгуны решили спереть у меня телефон, висевший на груди на цепочке. И я победила, отобрала у наглых мартышек мой айфон, хотя пришлось даже лезть по скользким камням в водопад.

Поэтому какая-то корова меня точно не пугала.

Алёнка услужливо подвинула мне небольшую скамеечку прямо к вымени коровы и поставила ведро. Я осторожно присела и вымытыми чистыми руками, как велела Алёнка, взялась за мягкие соски животного. Чуть дёрнула вниз, но молоко отчего-то не полилось. Я дёрнула сильнее уже другой рукой и второй сосок.

Вдруг корова дико замычала и резко дёрнулась. Копытом отшвырнула ведро, которое больно прилетело мне в ногу. Я от испуга вскочила со скамейки и отбежала в сторону. Корова тоже, недовольно косясь на меня, чуть отошла. Недовольно замычала.

Так... похоже, я ей не нравилась.

— Мамка, не так! — вскрикнула Алёнка, подойдя к корове, и начала гладить её морду. — Спокойно, Зоренька, это матушка. Она тебя сегодня доить будет.

Я снова попыталась подойти, но корова попятилась и опять недовольно замычала. Она мотала головой и била задними ногами, явно хотела проехаться копытом уже по мне, а не по ведру.

— Видимо, не забыла, как ты её палкой огрела, — вздохнула Алёнка, косясь на меня, — когда она все листья у огурцов сожрала.

Понятно. Я ударила корову палкой, а теперь животное, естественно, не подпускает к себе. Вдруг я опять начну драться? Это понятно. Ох, дурная эта Глашка, зачем надо было животное обижать? Теперь вот и Зорька на меня зуб точит.

Надо было как-то исправлять ситуацию с коровой. И я вдруг вспомнила, как учили действовать в трудных ситуациях с людьми мои психологи из другой жизни. Книг по деревенским животным я не читала, потому решила воспользоваться их советами.

Начала говорить с Зорькой ласково, дружелюбно, подходя к ней помаленьку. Объясняла, что не хотела её бить и что была не в себе. На удивление, корова внимательно слушала, и мне даже показалось, что она всё понимает. В общем, мне удалось подойти к корове и даже погладить её по морде, а Зорька не возмутилась.

Но доить всё же я попросила Алёнку. Понимала, что животному надо привыкнуть к мысли, что я больше бить её не буду. Я решила ещё вечером поговорить с коровой ласково, а уже завтра поутру попытаться самой подоить.

Пока Алёнка занималась скотиной, я натаскала воды в умывальники в доме и на улице, помогала одеться Васе, которому не позволяла двигать больной рукой. Потом затопила печь, нашла муку, сходила за парой яиц в хлев и на молоке и колодезной воде замесила жидкое тесто. Испекла первые свои блины в русской печи на чугунной сковороде. Правда, первые три сгорели, пока я не поняла, когда переворачивать и как управлять жаром, но следующие вышли на славу.

Глава 10

Дети с удовольствием съели блины с малиновым вареньем, которое, как сказала Алёнка, дала нам бабушка Дуня, и нахваливали меня.

После мы определили Зорьку в стадо к деревенскому пастушку Ваньке, который гонял всех коров деревни на пастбище, кормиться травой, а вечером возвращал. Потому я вчера и не видела эту корову, когда мы загоняли Лежебоку в хлев.

Дальше я собрала корзинку с блинами и сметаной и отправила Васю в поле, отнести еду старшим детям, а заодно навестить отца в кузне, накормить и его. Мы же с Алёнкой отправились в соседнюю деревню, через речку, к родителям Степана. За готовыми грибами, которые обещала нам дать бабушка Дуня.

День, как и накануне, выдался тёплый и солнечный, было очень жарко. По дороге я спросила Алёнку, не хочет ли она искупаться на реке. Она закивала и обещала после обеда, когда мы управимся с делами, показать мне место, где есть бережок и можно подойти к воде.

— А, это ты, бездельница! — с порога услышала я приветствие свекрови, которая неприязненно окинула меня взглядом. — Полдень уж скоро, а ты только явилась.

Я даже не нашлась, что ответить на эти злые слова. Вообще-то было часов восемь всего, и я пришла сразу же, едва накормила детей. И с коровой ещё этой... почти час уговаривала и убеждала, что я её друг.

Пройдя в избу, я оглядела осанистую полную бабку в рубахе и синей поневе, с платком на голове.

— Здравствуйте, Авдотья Егоровна. Мы за грибами к вам.

— Нам тятя велел, бабушка, — подхватила Алёнка.

— Поняла уж, — отмахнулась от меня бабка и пошаркала к печке. — Я ещё вечером всё сготовила, чтоб грибы-то не пропали. — Она начала рыться за печкой, гремя чугунками, что-то искала. — И как вы будете без меня-то? Даже в лес некому сходить по грибы-то и ягоды.

— Я, бабушка, умею грибы искать, — ответила девочка.

— Ты-то да. Но одной не дело, Алёна, — заявила строго бабка. — Заблудишься ещё. Со старшим кем ходить надобно.

— Так не с кем, бабушка. Тятя занят, а Егору с Таней тоже недосуг.

— Вот с мамкой и сходила бы, хотя нет, — буркнула свекровь. — Она ж не знает, какие грибы съедобные. Тогда чуть вас не отравила поганками, ладно я в гости зашла, увидала.

— Я научусь и тоже буду в лес ходить за грибами, — зачем-то заявила я.

Очень хотелось показать свекрови, что я не безнадёжная и глупая. Хотя совершенно не разбиралась в этих самых грибах, знала только, как отличить мухомор и опята.

— Этому с детства учатся, бестолковая. А тебя уж и учить не впрок, — проворчала бабка Дуня. — И как тебя Стёпка мой столько лет терпит? Говорила я ему: зачем тебе эта краля барская, так нет — люблю и всё!

Я нахмурилась. Почему я «краля барская»? Оттого, что не умею ничего делать или отчего? Но, похоже, как я и думала, Степан женился на мне по любви, раз ослушался мать, которой я явно не нравилась.

В этот момент наверху, на печке, кто-то заворочался. Лоскутное одеяло чуть съехало и высунулась седая голова деда.

— Дуняша, кто там? — обратился он к бабке. — Чай Григорий за брусом пришёл?

— Нет, дед, — ответила бабка, обращаясь к мужу. — Глашка это с малой пришли за грибами.

— А… эта, дурная, — пробурчал дед, оглядывая меня с ног до головы, а потом остановил взор на девочке. — Ты как, Аленушка, не хвораешь?

— Нет, дедушка, здорова.

— Ну и молодец. Ты это, бабка, разбуди меня, когда щи поспеют.

— Хорошо, милок, разбужу, спи.

Дед опять прикрылся лоскутным одеялом, закашлялся и отвернулся от нас.

— Дед уж вторую неделю хворает, — проворчала бабка, — а вам никому и дела нет. Хоть бы проведать пришли, ироды.

— Бабушка, я могу с Васькой каждый день ходить к вам. Хочешь? — тут же предложила Алёнка.

— Приходи, сладенькая, я завтра тебе плюшек со сметанкой напеку. И брата бери. А то эта, — свекровь зыркнула на меня недобрым взглядом, — наверняка, как обычно, вас голодом морит.

Я же стояла как оплёванная. Бабка Дуня говорила обо мне так, словно меня тут не было, и совершенно не стеснялась в выражениях. Я видела, что свёкры на дух меня не переносят и считают дурной. Похоже, терпели меня все эти годы оттого, что Степан — мой муж. Я не знала, как вести себя, чтобы ещё больше не вызвать негатива, поэтому тихо стояла у лавки, пока свекровь рылась за печкой.

Старушка достала большую миску, закрытую тряпицей, и протянула мне:

— Вот, Глаша, жареха грибная на укропном отваре. Можно и в картошку, и в кашу или так есть. Только в холодник убери до еды-то, а то скиснет.

— Я поняла, Авдотья Егоровна. Спасибо вам.

Мы распрощались с матерью Степана и вышли с Алёнкой из избы. Правда, уже у дверей старуха сунула девочке баранки на верёвочке, сказала, чтобы и Ваську угостила. Когда мы вышли во двор, бабка Дуня появилась на крыльце и вдогонку мне прокричала:

— Глашка! Не забудь убрать в погреб, как я велела! — И уже тише пробубнила себе под нос: — Точно забудет, пока идёт. До чего ж непутёвая девка!

Я сделала вид, что последних слов свекрови не расслышала. Не хотелось ей грубить в ответ. Видимо, Глаша сильно допекала свекруху раньше.

Когда мы с Алёнкой вернулись, Вася уже был дома. Сказал, что Таня и Егор поели с аппетитом блинов, а вот отца он в кузне не застал. Оказывается, Степан уехал к барину на двор, повёз выкованные ограды для усадебного забора.

Поблагодарив Васю, я снова занялась уборкой дома. Решила после сама отнести Степану обед, когда приготовлю. Провозилась с мытьём полов и окон почти до полудня.

На обед хотела сделать окрошку. Самое то в жаркий день, но кваса не было. Я примерно знала, как ставить квас, но требовалась закваска, а дрожжей в доме кузнеца не нашлось. Потому решила сварить щавельный суп, быстрый и есть можно холодным. Благо щавеля в небольшом огородике за домом росло много.

Накормив Васю и Алёнку обедом, я оставила их отдыхать в тенёчке. А сама налила в небольшой деревянный горшок супа, добавила сметаны для вкуса и поспешила в кузню. Вася хорошо описал, как туда идти. По центральной улице деревни, а потом за пустырём направо.

Таща корзину с едой, я думала о кузнице. Вспоминала нашу близость и представляла, что сейчас приду, и Степан прижмёт меня к себе и крепко поцелует, как ночью.

Вся в предвкушении встречи с мужем, я приблизилась к открытым дверям большой кузни и невольно замерла.

На моём Степане висела какая-то темноволосая бабёнка. Встав на цыпочки, она целовала его прямо в губы. Мой муж даже не сопротивлялся, а, приобняв её одной рукой и склонив голову, также целовал её.

Я даже зависла на мгновение, не ожидая увидеть подобное.

Глава 11

Увидев эту неприглядную, даже гадкую по своей моральной подоплёке картину, я прищурилась. Крайнее возмущение овладело мной. Ведь сегодня ночью Степан был со мной так ласков, горяч, и ничто не предвещало вот этого самого, что я сейчас увидела.

Захотелось устроить скандал, оттаскать темноволосую лахудру за волосы, а муженьку надеть на голову тот самый обед, что я принесла.

Я даже пару выдохнула, чтобы чуть успокоиться. Знала, что в любой сложной ситуации надо, во-первых, успокоиться, во-вторых, постараться действовать разумно, чтобы не наломать дров, о чём потом можно пожалеть.

Потому я тут же придумала, как себя вести. Не как ревнивая истеричка — жена, а мудро и спокойно.

Прокашлялась, и наглая парочка тут же отпрянула друг от друга, опасливо обернувшись.

Явно не ожидали, что их застукают, и прекрасно понимали, что творят гнусные вещи. Это уже давало надежду, что совесть у них все же присутствует.

— Глаша, ты чего здесь? — первым выдал Степан, окатив меня горящим взглядом.

— Обед тебе принесла, дорогой муж, — заявила я, проходя в кузню и выделяя слово «муж».

— А, не надо было. Я не голоден.

Он быстро развернулся к наковальне и схватил молот, продолжая работу — стуча молотом по железу, делая вид, что ничего пикантного не было, или мне просто показалось. Я же деловито прошла дальше, поставила корзину на лавку и внимательно посмотрела на темноволосую молодуху. Наверняка это была та самая Ульяна, про которую говорили бабы на реке. По идее, ей следовало уйти, если она не хотела скандала.

— Я, Степан, попозже зайду, — заявила темноволосая, поправляя платок на плечах и недовольно зыркая в мою сторону.

— Хорошо, Ульяна. К вечеру, думаю, закончу твой замок, — кинул Степан ей через плечо, даже не обернувшись.

Вот хитрец, вёл себя так, словно я ничего не видела, и эта Ульянка зашла только за своим заказом.

Прошествовав мимо меня и виляя бёдрами, Ульяна окинула меня прищуренным, злым взором, а я ответила ей прямым взглядом.

Она была очень красива лицом и стройна телом: в вышитой голубой блузке и тёмной юбке, волосы заплетены вокруг головы в корону, на плечах красный платок. Явно прихорашивалась, чтобы прийти сюда.

Коза блудливая!

Прямо среди бела дня сосётся с чужим мужиком!

Интересно, был ли законный муж у этой Ульяны? Если нет, то всё было гораздо хуже. Ведь свободная баба, да ещё такая красивая и молодая, вполне могла отбить мужа или, по крайней мере, попытаться завлечь его.

Я помнила, что раньше разводов не было. Значит, эта деревенская краля хотела залезть третьей в нашу постель. Но этого никогда не будет! Степана я не отдам!

А ещё в голове засвербела одна мысль. Насколько далеко всё зашло у него с этой вертихвосткой? Спали они уже вместе или пока только пирожками и поцелуями обменивались? Меня так и подмывало спросить.

Я лихорадочно думала, как себя вести. Надо было поступить так, чтобы ещё больше не навредить. Любой ревнивый скандал только усугубит ситуацию: мужик может взбрыкнуть и уйти к сопернице.

Но призвать его к сознательности и совести надо было. Поговорить. Хотя бы понять мотивы его поведения.

Когда наглая Ульяна наконец отчалила из кузни, я посмотрела на Степана. Он невозмутимо продолжал работу. В этот момент засунул длинными клещами железный обруч в печь и прокаливал его. Потом быстро вытащил и начал со всей мощи долбить молотом, придавая обручу для бочки закруглённую форму.

Я посмотрела на его широкую мускулистую спину и глухо произнесла:

— То есть, пока я дома делами занята, за детьми смотрю, скотину кормлю, ты других женщин обхаживаешь? — Я замялась, все же не стоило забывать, что мы в деревне. — Точнее, баб обхаживаешь. Вот, значит, какая у тебя работа до вечерней зорьки! Вижу.

— Так Ульяна не чета тебе! — вдруг вспылил Степан, обернувшись. — У неё и в избе чисто, и половицы вязаные, да и пироги она вкусные стряпает.

Опешив от слов мужа, я даже зависла.

Он что же, на полном серьёзе при мне, его жене, нахваливает полюбовницу? Впервые в жизни мне захотелось ударить мужчину, и чем-нибудь тяжёлым. Но я сдержалась. Показывать свой гнев, который выдал бы моё бессилие и слабость, я не собиралась.

— Я тоже стряпать умею!

— Да неужели? — хмыкнул Степан, опять отворачиваясь и снова начиная яростно стучать по наковальне молотом.

Я посмотрела на его обнажённую спину, крепкую, сильную, натруженную, на упругие ягодицы и бедра в простых штанах. И вспомнила сегодняшнюю ночь, что мы провели вместе. И от этого стало ещё противнее на душе.

— Умею. Завтра прямо с утра и настряпаю, — твёрдо сказала я.

— Да ты уже, поди, забыла, как тесто ставить. У Таньки спроси, чтоб ничего не перепутать.

Я поджала губы, тесто я и правда не умела ставить. Покупала готовое в магазине в своём времени и далее дома готовила пироги или булочки. Нравилось мне это дело, хотя всегда могла заказать и готовые. Ну ладно, он подсказал, у кого можно спросить. Танечка наверняка выручит. Она вроде ко мне нормально относится, не то что Егорка.

— Какой тебе пирог завтра приготовить, Степан? — спросила я.

— Да всё равно, — пожал он плечами. — Главное, не горелый. А то в прошлый раз ты сожгла всё.

— Издеваешься?

— Нет, Глаша, — вздохнул он. — Готовка — это не твоё, ты отродясь не умела пироги печь. Картохи навари да похлёбки, и будет с тебя. А сейчас не мешай. Мне надо ограду ещё сегодня доковать.

— Значит, как Ульяна тут ходит, ты её не выгоняешь, а я так, отвлекаю, да?

— Да.

Тут меня взяла такая злость, что я опять несколько раз выдохнула, чтобы успокоиться. Эта вертихвостка хочет отбить моего мужа. А он мне самой нужен! Ведь я его уже почти полюбила.

— И как тебе не стыдно? Такое жене говорить! — возмущённо выдала я.

— Работа у меня, жена. Принесла еду и ступай. Некогда мне.

Я нахмурилась и всё же не удержалась от вопроса:

— Ты спал с ней?

Он замер, опустив молоток, напрягся, не оборачиваясь.

— Нет.

— А мне так не кажется, — заявила обвинительно я.

Он резко обернулся и гневно выдал:

— Ты чего начала-то? Тебе ж раньше всё равно было.
— А сейчас не всё равно!
— Глаша, уйди Христа ради, мне некогда. Вечером поговорим, дома.

Глава 12

Из кузни я ушла сразу же, даже не стала дожидаться, пока Степан поест. Было слишком противно находиться рядом. Решила позже послать Васю за корзинкой с пустым горшком и крынкой.

Медленно следуя по деревенской улочке домой, я напряженно думала, прокручивала в голове слова Степана. Никак не могла прийти в себя от всего увиденного в кузне.

Значит, у моего мужа была любовница или возлюбленная. Эта Ульяна. И бабы на реке не зря говорили про то. Предупреждали, а я, наивная дурёха, решила, раз муж, то не может на других женщин смотреть. Век-то другой, устои патриархальные. Ан нет, всё оказалось так же примитивно и грязно, как и в нашем двадцать первом веке, где измена стала обыденным делом.

«Клубнички» захотелось мужу после двадцати лет брака, это понятно. Да и Глаша была дурной женой, одни походы в трактир чего стоили. Есть с чего Степану загулять с другой. Может, желал забыться в объятьях этой темноволосой крали.

На душе сделалось гадко и муторно. Первым порывом было выгнать этого кобеля из дому. Это я перед ним пыталась оправдать себя, поговорить по душам, понять, насколько важна для него Ульяна. Похоже, важна, раз он мне её в пример ставил. Потому желание порвать с ним овладело мной на какое-то время, пока шла домой.

Но более всего удручало, что целовался он с другой после вчерашней ночи, которую мы провели вместе.

И я чувствовала, что уже почти влюбилась в моего нового мужа. А как не влюбиться? Работящий, красивый, сильный мужик и в постели ого-го, да ещё и дети у нас, и хозяйство общее. И меня вроде не тиранит, даже не требует пироги печь. Хороший мужик, но вот эта Ульянка!

Уже подходя к своему двору, решила: Степана этой темноволосой шалаве не отдам! Не для того я сюда приехала, точнее, попала, получила в дар мужа, чтобы отдавать таким, как эта Ульянка.

Однако самолюбие постоянно нашёптывало: не стоит добиваться мужика, который считает нормальным блудить с другой бабой. Я себя не на помойке нашла.

В общем, я совсем растерялась, не понимая, как поступить в этой непростой ситуации.

Купаться на речку мы не пошли. У меня совсем не было настроения.

Вернувшись домой, я с ожесточением занялась домашними делами: драила окна, мыла полы, даже убирала с Алёнкой в хлеву у куриц и свиней. Надо было занять себя физическим трудом, чтобы хоть немного успокоиться и решить, как поступить дальше: или варить мужу борщи и пытаться вернуть в семью, или послать на все четыре стороны.

Однако Степан вроде не собирался уходить, ведь он не сказал об этом ни слова. Может, он хотел одаривать своим вниманием и жену, и любовницу сразу? А что, удобно.

Ближе к вечеру я поставила готовиться в печь гречневую кашу с грибами, а ещё немного прополола огород с Алёнкой.

Всё думала, как вести себя со Степаном. А ещё безумно хотелось пойти к Ульяне и поговорить с ней жёстко. Потребовать, чтобы она оставила моего мужа в покое.

Около шести с поля пришли Таня и Егор. Уставшие и потные. Я помогла им умыться, подала чистые полотенца. Их я нашла в шкафчике за печкой. Старший сын быстро поглотил миску гречи с салатом и ушёл гулять с другими парнями, а вот Таня осталась дома. Степан ещё не вернулся, потому я подсела к старшей дочке, пока она ела, и спросила:

— Танюша, скажи, а если мы с твоим отцом жить вместе больше не будем?

Девушка тут же отложила ложку и напряженно спросила:

— Как так? Это из-за Ульяны?

— Ты тоже знаешь? — выпалила я. — В деревне что, все об этом знают, только я ничего?

— Да, — вздохнула удручённо Таня. — Все жалеют тебя, оттого и не говорят.

— Понятно. Я вот думаю, может, отдать отца твоего этой Ульяне. Как говорится, насильно мил не будешь.

— Что ты говоришь, мать? Мы без тяти по миру пойдём. Оброк, три рубля серебром каждый месяц, как отдавать будем? Ты разве забыла, что в поле-то не вся барщина, а только часть её. А барин живыми деньгами за работу тяте платит. Если бы не он, у нас ни коровы, ни лошади бы не было. Да и дом у нас лучший в деревне, пол деревянный и печь не по-чёрному. Сам управляющий барина живёт хуже.

Я поняла, что Степан зарабатывал хорошо, потому, возможно, думал, что жена не будет предъявлять ему за любовницу.

— И что же? Терпеть, пока он эту Ульянку обхаживает?

— Так многие бабы терпят, — вздохнула Таня. — Жизнь у нас такая, доля бабья. А тятя, мне кажется, одумается. Я знаю, мамка, он тебя любит.

Дочка говорила так, словно ей было не семнадцать, а все девяносто лет.

Я задумалась. Все же всех тонкостей этого мира я ещё не знала, а Танюша говорила очень разумно. Это в моем мире я могла спокойно уйти от изменника мужа, открыть своё дело, заработать на жизнь сама. Но здесь? Женщины в этом времени не просто бесправны, они всё равно что приложение к сильному полу.

За ужином и после со Степаном я не разговаривала. Даже когда он похвалил меня за вкусный ужин и чистую избу, не ответила. Игнорировала его и видела, что он удивлён. Похоже, не ожидал такой реакции от меня.

— Злишься на меня, Глаша? — спросил он, когда я мыла посуду.

Подошёл сзади, тихо сказал на ухо.

— Нет.

— Ты не заболела часом? Думал, скандал мне дома устроишь.

Скандал? Нет, не дождёшься. Прекрасно понимала, что любой скандал только усугубит ситуацию, и муж ещё раз утвердится в том, что я «дурная баба». Потому я прищурилась и тихо сказала:

— Там поленница покосилась, у нас с Васей сил не хватает нижние бревна сдвинуть. Ты бы поднял её, Степан.

Муж как-то странно посмотрел на меня. Понял, что говорить на тему Ульяны я не желаю. Быстро кивнул и пошёл на двор.

— И зачем я так глупо влюбилась в него? — прошептала я сама себе под нос, заканчивая мыть посуду, и горько вздохнула. — Нет, Полина, бегать за ним мы не будем. Пусть сам поймёт, какое я золото стала. А не поймёт, то и скатертью дорога.

Именно с таким настроением я легла спать.

Утром предстояло много дел.

Глава 13

Наутро я проснулась бодрая и полная сил.

Решила показать, что изменилась, стала хозяйственной, ответственной и красивой. Перво-наперво приготовила вкусный завтрак: наваристую кашу с тёртой малиной. Благо вчера Васятка, так я теперь ласково называла своего младшенького сына, насобирал ягод в лесу. Я очень хвалила его за это, ведь у него все ещё болела рука, хотя и не так сильно. Примочки, что я делала ему три раза на дню, точно помогали. Опухоль у мальчика спала, и сын теперь почтительно спрашивал:

— Что тебе помочь, мамка?

Как, впрочем, и Алёнка.

Мне казалось, что младшие дети не видели теплоты от матери, и моё доброе и ласковое отношение им было в диковинку. Когда я гладила их по голове или хвалила, они растерянно улыбались и искренне радовались, явно непривыкшие к такому.

Ещё с утра, как и решила накануне, я начала стряпать пирожки. Как ставить тесто, я не знала, но Танюша подсказала рецепт быстрого теста на простокваше. Благо сегодня был выходной от работ в поле, и старшие дети остались дома. Егор отсыпался сначала, а потом пошёл чинить покосившийся сарай.

Я же под руководством старшей дочери замесила тесто из простокваши, которая оказалась в погребе. Добавила муки, молока, масла, сахара, яичных белков и соли. Муку положила какую-то специальную из синего холщового мешочка. Как сказала Танюша: «Мука, что поднимает пирожки». Замесила тесто и оставила его всего на полчаса подниматься, пока мы с дочкой готовили начинку.

Решили испечь пироги с яблоком и малиной, другие — с луком и яйцом, а третьи с грибами, которые дала мне свекровь. Чуть позже к нам прибежала Алёнка, которая накормила куриц и помогла нам слепить пироги. Вышло у нас два больших противня, или, как говорили девочки, два «листика». Танюша аккуратно засунула их в печку, и потом я караулила, чтобы пироги не сгорели. Ведь в русской печке готовила их впервые.

К обеду поспел постный грибной суп, который я приготовила на скорую руку. А пирожки с парным молоком были на второе. Мы пообедали, а пока я мыла посуду, Вася сбегал к отцу, отнёс еду.

После полудня мы с детьми отправились на ярмарку.

Один раз в неделю, в выходной, когда крестьяне нашей и соседних деревень были свободны от барщины, устраивалась большая ярмарка на окраине нашего села. Сюда съезжался народ из соседних деревень. Кто-то покупал товары, кто-то продавал.

Деньги на ярмарку я потребовала у Степана поутру. Он дал три рубля, не сказав ни слова. Похоже, чувствовал свою вину, а может, пытался заслужить моё прощение. Ведь ночью я заперла дверь в свою спальню на засов. А когда он пришёл около полуночи и тихо постучал, сделала вид, что сплю и не слышу.

И вообще, я решила мужа больше к своему телу не подпускать. Пусть немного задумается над тем, что творил.

На ярмарке я прикупила три зеркала: одно в дом, размером с небольшой поднос, и два маленьких — себе и Танюше. Всё же у женщин должно быть карманное зеркальце. Они мне обошлись почти в полтора рубля. Танюша очень обрадовалась подарку, но сказала, что я веду себя как-то странно. Я промолчала в ответ, думая, что и вторая дочка уже на моей стороне. Теперь оставалось заслужить если уж не любовь, то хотя бы доверие Егора, а это было трудно. Старший сын со мной почти не разговаривал и старался меньше попадаться на глаза. Я чувствовала, что он меня недолюбливал.

Далее мы ходили по ярмарке и выбирали обновки из одежды и обуви. Я купила себе новую блузку и юбку. Тане и Алёнке — по новому сарафану, а парням — по тёплым штанам и валенкам. Что лучше купить, советовала мне Танюша. Говорила она со знанием дела и объясняла, почему надо покупать валенки летом, ведь зимой они будут дороже. Когда уже уходили с ярмарки, на оставшиеся копеечки я купила малышам по сладкому петушку, а старшим — по печатному прянику.

Оказалось, что три рубля в те времена — это довольно хорошие деньги. Мы истратили всё, и я не жалела. Подумала о том, что, если эта Ульянка пользуется телом моего мужа, отчего я не могу воспользоваться его кошельком? Накосячил — пусть платит.

Вечером мы даже умудрились посмотреть представление Петрушки за небольшой ширмой. Конечно, примитивное и деревенское развлечение для меня, но Алёнка и Вася с удовольствием хлопали и от души смеялись, когда кукольный Петрушка убегал от медведя.

Егор с нами не ходил, зато остальные дети радовались и говорили, что никогда так весело не проводили время на ярмарке.

Возвращаясь домой, мы повстречали невысокого коренастого мужика в добротной одежде. Он окликнул нас и сразу же спросил:

— Глашка, чего твой Егор не приходит ко мне? Я же ему сказал, что место это для него придержу. Он парень работящий и толковый, как раз самая ему работа.

— Какое место? — спросила я. — Егор ничего не говорил.

— Вы не серчайте, Прохор Лукич, — тут же вмешалась Танюша. — Но братец не сказывал о том мамке.

— Почему?

— Дак не хочет он идти на этот птичник на барский двор.

— Ну и дурак, — ответил Прохор. — Работа непыльная, за курами смотри да трёх работников подгоняй, чтобы не зевали. Замечательная служба, и барин по три рубля в месяц платит.

Я тут же смекнула, что работа на этом птичнике точно была лучше и легче, чем в поле. Или за курами смотреть, кормить и убирать, или косой весь день махать. И почему Егор отказался, не понимала. Но решила, что надо застолбить эту работу, пока её не предложили кому другому.

— Прохор Лукич, миленький! — взмолилась я. — Ты погоди. Не предлагай никому другому. Я поговорю с Егором, он согласится.

— Мамка, он не захочет, не будет он слушать тебя, — повторила Таня. — Ты же знаешь, если упрётся, то, как и тятя, не изменит своего решения.

Я нахмурилась. Похоже, Таня очень хорошо знала брата, а так как Егор не жаловал меня как мать, то, вполне возможно, мои уговоры не подействуют, но такое место терять не хотелось. Ведь я уже не раз думала, как облегчить жизнь Тани и Егора. Не желала я, чтобы они с зари до вечера батрачили в поле. Тяжелейшая работа, а они так молоды. А тут предлагают работу полегче, а этот вредный Егор не хочет. Но всё же надо было сначала поговорить с ним.

— А если на эту службу кто другой пойдёт, вот Таня, например? — спросила я у мужика.

— Как это Танька? — опешил он. — Она же девка. Нет, Глафира, Иван Иванович не разрешит бабу брать. Только мужик нужен.

— Жаль… — заметила я. — Но ты всё равно, дорогой Прохор Лукич, подожди, я поговорю с Егором.

— Я-то погожу, Глаша, не вопрос, — заявил Прохор и как-то странно подмигнул мне. — Из всегдашнего расположения к тебе. Но недолго. Дня три погожу, а потом Аникию Петрову предложу.

— За три дня я всё решу, спасибо!

Мужик плотоядно оглядел меня ещё раз и пошёл далее по своим делам. Я же задумалась: такое впечатление, что я была по нраву этому Прохору. А что, мужик он не старый, чуть за сорок, крепкий, только лысый немного, зато вон как о моём Егоре печётся.

— Танюша, не пойму, отчего Прохор Лукич службы в барской усадьбе раздаёт? — задала я вопрос, который бы позволил мне узнать больше об этом Прохоре.

— А как же, мамка, — удивилась Таня. — Он же помощник управляющего и староста нашей деревни. Кто же, если не он?

— А-а-а, да, ты правда.

Глава 14

За ужином, когда вся семья сидела за столом, я не удержалась от вопроса:

— Егор, почему ты не хочешь служить в птичнике на барском дворе?

Старший сын недовольно зыркнул на меня и агрессивно ответил:

— Не лезь в это дело, мать.

— Это и моё дело, сын. Прохор Лукич печётся о тебе, как и я, — возразила я, нахмурившись.

Мне не нравилось, как говорил со мной Егор, в его тоне слышалась плохо скрываемая злоба.

— А я просил вас о том? — снова огрызнулся Егор в мою сторону.

Я взглянула на Степана. Он невозмутимо ел свою картошку с печёной рыбой и делал вид, что это его не касается. Мне показалось, что он знает нечто большее про Егора и причину его нежелания служить в птичнике, но молчит. Это мне не понравилось.

— Но пойми, эта работа легче и лучше, а барин живые рубли платит, — пыталась убедить я.

— Сказал, нет! Мать, меня купец Ермолаев к себе в гильдию берёт, буду рыбой торговать, а не за курями твоими смотреть.

— А если не возьмёт? — спросила я.

— Возьмёт! Он обещал, — ответил Егор. — А ты не учи меня, как жить. Большой я уже, мать.

— А ну цыц! — вдруг вмешался Степан, грохнув кулаком по столу. И грозно посмотрел на старшего сына: — Как с матерью говоришь, пострел?!

— Она спросила, я ответил, — пробубнил недовольно Егор уже совсем другим тоном, более почтительным и неуверенным.

— Ещё одно бранное слово скажешь матери, не посмотрю, что ты большой, вмиг половником огрею!

Егор тут же как-то скис и опустил глаза, нервно затеребил деревянную ложку.

— Прости, тятя, и ты, мамка, прости, — произнёс он тихо.

— То-то же! — выдал в его сторону Степан и, повернувшись ко мне, сказал: — Ты, Глашенька, не волнуйся. Ежели не возьмут его в гильдию Ермолаева, так снова ко мне в кузню учиться пойдёт. Дело хоть и грязное и тяжёлое, зато деньга и почёт всегда будет. Так, Егор?

На слова отца сын промолчал, только медленно кивнул. Я же невольно поджала губы. Всё же было жаль терять такую хорошую службу.

На следующий день я впервые сама подоила корову. Правда, недолго и под чутким руководством Алёнки, но у меня получилось. Я была очень горда собой. Надоила почти треть небольшого ведра, остальное попросила сделать Алёнку.в

Сама же поспешила домой, готовить завтрак.

Решила напечь блинов. Пока возилась с ними, Алёнка, моя верная помощница, уже подоив корову, накрыла на стол. Поставила сметану, парное молоко и протёртую смородину. Вчера вечером мы с Танюшей собрали целую большую миску ягод с двух кустов, росших у нас в огороде. Потолкли, добавили сахар. Затем чуть подогрели в печке, чтобы растворились крупицы. Получилась вкусная протёртая смородина, свежая и полезная. Убрали на ночь в погреб.

Сели мы завтракать, когда совсем рассвело. Все с аппетитом ели блины, обмакивая в сметану, мёд и смородину. Степан даже не удержался от восхищённого замечания:

— Глаша, я уж и позабыл, когда ты такой вкусный завтрак готовила. Благодарствую, получилось на славу.

Я прищурилась в ответ на похвалу мужа. Он явно пытался подмазаться ко мне. Но я не собиралась его прощать так быстро.

— Ты ешь, Степан, а то блины остынут, — ответила я холодно.

После, когда я мыла посуду в небольшом тазу, и мы остались в горнице одни, муж подошёл и тихо спросил:

— Так и будешь запирать комнату, Глаша?

Я прекрасно поняла, про что он. Сегодня ночью я снова его не пустила. Пусть немного «попостится». Конечно, я понимала, что долго отталкивать мужа опасно. Он мог найти утешение у Ульяны, но рассчитывала, что он всё же поймёт, что я не собираюсь безропотно терпеть его похождения.

— Да, — ответила я, не смотря ему в лицо, — пока не поймёшь, чего хочешь.

— Что я должен понять?

— Кто для тебя важнее: мы с детьми или эта…

— Вы, Глаша. Неужели не понятно?

— Мне не понятно.

Действительно, я не могла понять, как можно жить на два лагеря? И хотела, чтобы Степан прочувствовал, как мне неприятна вся эта ситуация.

— Ладно, жена. До вечера, — сказал он и, наклонившись, быстро поцеловал меня в щеку.

У меня возникло желание шлёпнуть его мыльной ладонью за эти его лицемерные поцелуи. Но я сдержалась. Помнила, что надо держать себя в руках. Это было залогом удачного решения дела в мою пользу.

Когда дверь за мужем захлопнулась, я выдохнула с облегчением. Вытерла влажной рукой лоб. Сегодня предстояло много дел.

Солнце жарило с самого утра, потому я решила затеять стирку. Собиралась уже три дня, а в жару полоскать бельё в тёплой воде всё же приятнее. К тому же я второй день обещала детям сходить на речку.

Сенокос уже подходил к концу, потому в поле ушёл только Егор, Таня осталась дома и пошла с нами на реку. Она обещала показать забывчивой мамке, где лучше стирать белье.

Спустя полчаса мы с детьми подошли к небольшому причалу. На берегу у больших камней уже стирали две бабы. Завидев нас, они приветливо поздоровались, я ответила тем же.

Танюша помогла мне намылить белье и полотенца щёлоком, специальной настойкой на золе, которую мы прихватили с собой. Это стало для меня очередным открытием. Мы намылили всё белье, оставив на камнях замачиваться. Потом начали тереть простыни камнями, чтобы «выгнать» из них грязь, как сказала Алена. Затем принялись всё полоскать.

— Мамка, можно я пойду искупаюсь? — спросила Танюша. — Жарко, мочи нет. А вон там девки, мои подружки пришли.

— Конечно, ступай, мы тут с Алёнкой сами управимся.

— Сестрица, я с тобой! — воскликнул Вася.

Таня и Вася ушли в сторону камышей, что росли неподалёку, а мы с Алёнкой продолжили полоскать оставшееся бельё. Через какое-то время я заметила, как неподалёку, ниже по реке, плавают несколько молодых девушек. Среди них была и Таня. Они заливисто смеялись и плескались. Я видела, что это заметила и младшая дочка. Её глазки завистливо загорелись, и я поняла её тайные мысли.

— Ты, Алёнка, не переживай. Мы сейчас дополощем всё и тоже искупаемся.

— Хорошо, мамка, — довольно закивала она.

С бельём мы управились спустя час. Солнце стояло в зените и сильно палило. Мы сложили бельё в две корзины: одну я несла сама, вторую мы с Алёнкой вместе. Подошли к тому месту, где раньше купались девушки. Там сейчас никого не было, кроме Тани. Она сидела в

длинной мокрой рубашке на камушке у воды и следила за братом с берега. Вася ещё плавал в реке, иногда махал сестре.

Когда мы приблизились, я увидела, что Таня на берегу не одна. Около неё находился какой-то мужик, до того его скрывала раскидистая ива у самой реки. Темноволосый, широкоплечий, высокий. Он стоял к нам спиной, одет был в белую рубашку навыпуск, тёмные штаны и сапоги.

— Я же сказала, что не хочу! — заявила в этот момент Таня, обращаясь к мужчине. — И решения своего не изменю.

— Зря ты так категорична, Татьяна, — недовольно произнёс мужчина.

В следующее мгновение он склонился к девушке и, схватив её в объятья, поднял с камня и попытался поцеловать. Таня непокорно вскрикнула, пытаясь его оттолкнуть.

Глава 15

Мы с Алёнкой остановились в десяти шагах от них, и я тихо спросила:

— Кто это? Жених Танин?

— Нет у неё жениха, мамка. Я не знаю, кто это.

Видя, что мужик так и пытается навязать поцелуй, а Таня бьётся в его руках, я тут же грохнула корзину с бельём на траву. Схватила первое, что лежало сверху, и ринулась к реке.

— Кончай кобениться, Татьяна! Я же озолочу тебя! — раздался невольный рык мужика.

Он хотел сказать что-то ещё, но не успел. Со всего размаху я хлестнула его мокрым полотенцем по лицу, потом ещё раз по плечам и снова по лицу.

— А ну пусти мою дочь, наглец! — приказала я грозно.

Опешив от неожиданного нападения, мужик отпустил Таню и, чуть попятившись, прикрылся рукой.

— Глафира, ты что, ополоумела? — взъярился он.

— Сейчас ещё получишь! — пригрозила я. — Не смей трогать мою дочь!

И снова замахнулась, собираясь ещё пару раз врезать мокрым полотенцем по его наглой, красивой физиономии. Чтобы наверняка понял — так обращаться с моей дочерью не позволю.

— Мамка, не надо! — воскликнула громко Таня, вскакивая на ноги и удерживая мою руку с мокрым полотенцем. — Это же барин наш! Ты что, не признала его?

Оторопев от слов дочери, я замерла. Медленно опустила руку.

Как барин? Какой барин? Вот этот мужик в рубахе навыпуск?

Я невольно снова оглядела мужчину с ног до головы.

Ему было лет за тридцать. Красивый, гладко выбритый, холёный, в чуть расстёгнутой рубахе, не простой, а явно шёлковой. Да и сапоги короткие добротные, из мягкой кожи. Он и правда не походил на обычного мужика. И как не поняла этого сразу?

Но всё равно я не могла спокойно реагировать на эту ситуацию.

— И что? — возмутилась я, сверкая на мужчину глазами. — Если барин, значит, всё можно? Не смей Татьяну мою обижать и позорить!

Я прекрасно поняла, зачем этот самый барин пришёл сюда.

Поразвлечься.

Наверняка жаждал навешать лапши на уши невинной девушке и соблазнить. Вряд ли бы он желал жениться на простой крестьянке, мотивы барина были более чем ясны. А Танюша слишком юна и наивна и вполне могла соблазниться на его положение и внешность.

— Бешеная! — процедил мужчина мне в лицо. — Больно нужна мне твоя девка!

— А если не нужна, чего руки распускаешь?

Барин зыркнул на меня исподлобья, и я поняла, что врёт он отменно. Нужна была ему моя Танюша, иначе бы не стал так вести себя.

— Дерзишь мне, Глафира? Смотри, я и осерчать могу и забыть прошлое. Велю всыпать тебе плетей за дерзость такую! Тряпкой мокрой по лицу бить меня вздумала!

— Не боюсь я, — огрызнулась я.

— Смотри-ка, какая храбрая!

Стремительно подняв хлыст с песка, мужчина быстро развернулся и широким шагом направился к коню, который жевал траву неподалёку у берёз. Умело вскочил в седло. Ударив каурого жеребца по крупу, словно вихрь поскакал прочь, лишь на миг обернувшись и смерив нас злым взором.

Я же внимательно посмотрела на старшую дочь, которая уже надевала на влажную рубашку зелёный сарафан, и спросила:

— Что ему надо было, Таня?

Хотя я знала ответ, но хотела, чтобы девушка озвучила его сама. Вдруг я чего-то не понимаю?

— Хочет, чтобы я его полюбовницей была, в Париж сейчас звал с ним ехать. Сказал, что люба я ему уже давно.

— Нифига себе… — выдохнула я тихо.

Похоже, этот барин решил взять быка за рога, и методы соблазнения у него были ого-го! И люблю, и Париж... Какая простая девка устоит? Но только я отчётливо понимала, чем всё это закончится.

— Таня, это ведь только на время. Он никогда не женится на тебе. И Париж этот... Бросит тебя там одну и другую девушку найдёт. Вон какие красивые слова говорит! А что будешь делать в этом Париже потом? На панель пойдёшь?

— На панель?

— Ну... — замялась я, понимая, что слово «панель» для девушки было незнакомо. — Хотела сказать, по рукам пойдёшь. По мужикам, значит.

— Мамка, неужели ты подумала, что я поеду с ним? — удивлённо спросила Таня. — Я и не собиралась. Прекрасно знаю, что жениться на мне он и не думает. Я ему для баловства нужна. Побалует со мной и бросит. Всё понимаю. Я же не дура. О том ему сейчас и сказала. Он и разозлился.

Услышав разумные слова дочери, я даже облегчённо выдохнула.

— Уфф… Танюша, ты у меня такая умница-разумница.

Моя дочка, как и обычно, поражала житейской мудростью.

— Вы купаться пришли? — спросила Таня.

— Да. Алёнка давно просится.

— Купайтесь. Я домой пойду, мамка. Хотела до завтра ещё старый сарафан зашить.

— Ступай, дочка.

Танюша ушла, а мы с Васей и Алёнкой остались у реки.

Искупались. Вода была тёплая, хорошая. Я, как и Таня, купалась в нижней рубашке, а Алёнка и Вася — голышом. В камышах, где надо было заходить, не видно было, а в реке и подавно.

Солнце уже стало клониться к вечеру, а младшие дети никак не хотели уходить с реки. Они то грелись на солнышке, то бегали и играли в салки с другими детьми, что тоже шли на бережок, то снова купались. Я терпеливо ждала их, понимала, что дома их опять ждут обязанности и дела, так пусть хоть немного развлекутся. Мало у них было радостей в жизни.

Рука Васи уже окончательно прошла, и он резвился и бегал, как чумовой.

От нечего делать я решила собрать небольшой букет ромашек, которые росли у берега. Ходила по траве и зашла чуть дальше вверх по течению реки. Едва вышла из-за раскидистой ивы, как тут же замерла.

Увидела своего мужа. В этом месте в реке мой Степан мыл коня. Животное по колено стояло в воде, а муж обтирал его бока сложенным пучком травы. Рядом с ним была Ульяна. Та самая темноволосая вдова, которая клеила моего мужа.

Я быстро дёрнулась обратно за иву, спряталась в её раскидистых ветвях и зелени. Решила немедленно уйти, но невольно услышала их разговор.

— Любый мой, отчего ты сегодня в обед не пришёл ко мне? — услышала, как ласково проворковала Ульяна.

— Дел было много, Уля. Завтра, может, зайду.

Слова мужа показались мне странными, и я осталась стоять, спрятавшись за ивой.

— Когда же завтра, скажи? Я ждать буду.

— Пока не знаю. Может, и не смогу. Ступай. Нечего на людях ко мне липнуть, — отрезал он почти грубо.

— Пойду я, только и так уж все знают про нас, — хитро заявила она.

— Ты, что ли, языком мелешь, Ульяна? — недовольно спросил он.

— Нет... — неуверенно ответила вдова. — Но шила в мешке не утаишь, Стёпушка.

— Ой, врёшь, Ульяна. Вижу по глазам, — уже недовольно сказал Степан. Она что-то начала блеять в ответ, но он строго велел: — Иди уже. Мне коня домыть надо, к барину на двор ехать, не с грязным же отправляться.

Ульяна побледнела и отошла от Степана. Быстро подхватила свою котомку и поспешила на другой берег через небольшой мостик. Я же облегчённо выдохнула.

Глава 16

Поведение мужа мне показалось странным. Если он так хотел эту Ульяну, почему игнорировал её призывы и кормил завтраками? Непонятно. Да ещё и почти прогнал её от себя, боялся, что увидят люди. Может, моя тактика отчуждения подействовала, и Степан понял, что моё расположение для него важнее, чем соблазнительные речи этой красивой гадюки?

Похоже, Ульяна из кожи вон лезла, чтобы соблазнить моего мужа. А он как бы нехотя принимал её ласки.

Я задумалась. Со Степаном говорить бесполезно.

А что, если попытаться урезонить эту темноволосую нахалку? Может, поговорить с ней? Призвать к совести. Вдруг получится и она решит оставить моего мужа в покое?

А ещё надо бы пустить слух по деревне, что это Ульяна блудливая. И что уводит женатых мужчин. Пусть её каждый встречный-поперечный ругает и стыдит. В деревне слухи быстро распространяются. Вот будет ей наука, как чужих мужиков отбивать!

Опять до вечера я провозилась с делами: готовила ужин, кормила скотину, прополола немного в огороде, собрала ягоды. Дети помогали мне по хозяйству, и я была очень благодарна.

Всё же в эти времена другое воспитание: если мать занимается делами, то и дети не бездельничают, а в меру своих сил помогают. Даже переложить развалившуюся поленницу или натаскать воды в умывальник было таким хорошим подспорьем, что я не умоталась за день до потери сил, хотя и устала к вечеру.

Завтра я решила испечь настоящий хлеб, так сказать, стать совсем образцовой женой. Чтобы Степан наконец прочувствовал, что я клад, а не какая-то гулящая. Чувствовала, что муж уже колеблется в своих желаниях — нужна ли ему Ульянка или нет.

После его раскаяния я добавлю немного интима со своей стороны, и тогда Степан точно будет мой. А про эту темноволосую заразу мы забудем, как про страшный сон.

Таков был мой новый скорректированный план.

Однако с опарой на хлеб возникла засада. Танюша утром сказала, что для теста нужна специальная закваска, как я поняла, типа дрожжей, которые использовали в моём мире. Но как её верно сделать, она не знала. Нужно было поговорить с умной бабой. Я очень нуждалась в союзниках и советчиках в этой деревне, ведь много чего не знала.

Свекровь моя, естественно, умела печь хлеб, но меня недолюбливала. И к ней идти я ох как не хотела.

Но хлеб сам себя не замесит. Оттого я всё же решилась и после завтрака отправилась в гости к свёкрам на другую сторону реки. Захватила с собой целую миску вишни, которая едва поспела в нашем огороде. Так сказать, для небольшого подарочка, чтобы сразу же расположить мать Степана к себе.

Пока шла вдоль берега, всю дорогу вспоминала, как вчера у камышей отхлестала барина мокрым полотенцем. Поморщилась. Надеялась только на то, что он всё же забудет моё непотребное действо и не станет мстить. Танюша заверила, что Дмитрий Петрович, так звали барина, имеет характер добрый, хотя довольно настырный. На это и надеялась.

Когда я пришла к свекрови, она вешала постиранное белье во дворе.

— Здравствуйте, матушка, я вот вишни вам принесла, — обратилась я к Авдотье Егоровне приветливо. Алёнка сказала, что к бабе Дуне раньше Глашка обращалась именно так. — Давайте помогу с бельём.

Свекровь как-то недобро взглянула на меня, но тяжёлую простыню всё же отдала. Я быстро поставила миску на завалинку у дома и начала развешивать мокрое бельё.

— Чего это ты, Глашка, зачастила к нам? Опять чего нужно? — подозрительно и неприязненно спросила бабка Дуня.

Я уже закончила с простыней и взяла из большой корзины рушник, также развешивая. Мне было не трудно помочь ей, а вот свекровь требовалось умаслить. Бабка стояла руки в боки и как-то недовольно следила за моими действиями.

— Рушники-то на другую верёвку повесь, дура! Разве не видишь, сейчас верёвка натянется и поедет всё в один бок!

Её фраза сразу же насторожила меня. Неприветливая и злая какая-то. Ну не умела я вешать бельё на улице. Так что, сразу надо обзывать дурой, да ещё так грубо? Но я всё же проглотила её словесный выпад. Мне нужна была помощь, к тому же она была матерью Степана. Разозли её, и она ещё сильнее мужа против меня настроит.

— Алёнка с Васей к вам после обеда сегодня придут, матушка, — решила я сказать что-то хорошее, чтобы унять её злость.

— Это хорошо.

— Всё, с бельём закончила, — улыбнулась я Авдотье Егоровне. — Может, вам ещё что-нибудь сделать надо? Полы помыть или ещё что? Я же понимаю, силы-то у вас уже не те.

— Ты чего это, Глашка, хочешь сказать, что я старая?

— Нет! Что вы! Просто дома-то всегда дел много. Вот я и пришла помочь.

— Не нужна мне твоя помощь, бестолковая. У меня всё прополото в огороде и чисто в доме, не чета тебе, лентяйке. Не пойму, как тебя мой Степан терпит!

— Дак он любит меня, матушка.

— Одной любовью-то сыт не будешь. А у тебя, Глашка, отродясь в доме ни супа, ни каши не было. Всё шатаешься где-то.

— Сейчас всё по-другому, — заявила я терпеливо.

— Хватит мне зубы заговаривать. Зачем пожаловала? — уже недовольно заявила бабка Дуня. — По глазам твоим хитрым вижу, что надо чего-то. Грибов опять?

— Нет, Авдотья Егоровна. Я вот хотела хлеб испечь, а у меня закваски нет. Вы бы не могли мне дать немного? И объяснить, как дальше опару на хлеб поставить. Танечка сказала, что вы очень умело хлеб печёте.

— Поздно, Глашка.

— Что поздно? — не поняла я.

— Учить тебя поздно, дурынду. Если до тридцати с лишним годков даже опару на хлеб ставить не умеешь, пропащая ты. Надеюсь, мой Стёпка прозреет наконец и бросит тебя, глупую!

С этими словами свекровь схватила пустую корзину и поспешила обратно в избу.

Я же стояла как оплёванная и только тихо спросила ей в спину:

— Так вы не дадите мне закваску на хлеб, Авдотья Егоровна?

В общем, свекровь послала меня лесом, как говорится. Сказала, что некогда ей меня учить, дурынду, и вообще, она устала и спать пошла.

Уходила я со двора свёкров с тяжёлым сердцем. Ну да, прожив сорок лет, я не знала, как делать закваску на хлеб, и что? Раньше мне этого и не надо было. Но я же хотела учиться.

Жизнь теперешняя хоть и была нелёгкой, но мне нравилась. Такая интересная, непростая и даже не скучная. А скука была самым большим бичом и проблемой в моей прежней жизни.

Теперь же мне было некогда. Оттого даже непростая жизненная ситуация, в которой я теперь оказалась, была по душе. Я хотела испытать себя, проверить, на что способна. Это было как интересная и трудная игра в совершенно другую жизнь. В которой хотелось победить и доказать всем, да и себе самой, что я не никчёмная опустившаяся Глашка, а Глафира Осипова — достойная жена кузнеца и мать четырёх прекрасных детей.

Глава 17

В общем, как ставить опару на хлеб, я так и не узнала.

Нужно было искать кого-то другого в помощь. Но кто будет меня учить? Я и так пошла к самым близким, к свекрови, и ничего путного из этого не вышло. Свекровь ненавидела меня, с соседками я так и не помирилась.

Прямо засада какая-то!

И тут меня осенила идея. Я поняла, кто в это селе, возможно, не откажет мне.

Быстро пересекла мост, спустившись обратно на наш берег и поспешила в другой конец деревни. Уже через четверть часа была у небольшой избушки бабы Нюры, той самой, которая на прошлой неделе вправляла руку Васе.

Она, на моё счастье, оказалась дома. Старушка приветливо встретила меня, напоив холодным квасом, и я озвучила свою просьбу. Сказала про закваску к хлебу, да ещё сразу же попросила научить, как делать такой вкусный квас, не сильно сладкий, но терпкий.

На мои слова глаза бабы Нюры округлились, и она спросила удивлённо:

— Ты это чего, Глашка, решила хозяйством заняться?

— Да, бабушка. Я уже много чего умею, точнее, делаю. И пироги, и варенье научилась. Даже корова наша меня подпускает к себе, чтобы подоить. Теперь вот хлеб решила постряпать, а закваски нет.

— Это ты молодец, девка, что за ум взялась, — закивала старушка. — Только поздно это.

— Почему ты так говоришь, баба Нюра?

— Сама знаешь почему. Степан твой уже на другую смотрит. А та охальница уж больно бойкая да наглая, во что вцепится, не отпустит.

Я прекрасно поняла, что баба Нюра говорила про Ульяну и, видимо, прекрасно знала про похождения моего мужа.

— А я его просто так не отдам! Это мой мужик и муж! — заявила я категорично.

— И то верно, девка. Если он уйдёт, то тебя же позором и заклеймят люди, что дурная ты жена. Мужику-то больше прощается, а вот баба всегда должна правильно жить. Одной-то тебе с детками ох как несладко будет. Если хочешь, чтобы Степан снова к тебе прикипел, Глаша, научу я тебя, как вести себя с ним. Ну, чтобы дурой не выглядеть, да и чтоб снова только на тебя смотрел.

Ушла я от бабы Нюры довольная и чуть успокоенная. Всё же было приятно, что хоть кто-то поддерживал и помогал, даже словом или той самой закваской для хлеба.

Вернувшись домой, я быстро замесила тесто и приготовила квас. Он должен был настояться пару дней, чтобы стать готовым к употреблению. Тесто же должно было подняться через пару часов. Всё это мне объяснила баба Нюра.

После полудня я испекла хлеб и, накормив детей щами, отправилась к Ульяне. Она жила на другом конце села, около просёлочной дороги.

Баба Нюра посоветовала мне быть со Степаном сдержанной и вежливой, как, впрочем, я себя и вела. А с Ульяной серьёзно поговорить. Вразумить её, так сказать. Но очень спокойно и без истерик, призвать к совести. Я с бабой Нюрой согласилась. А вдруг Ульяна по-хорошему отступится от Степана?

Когда я пришла в избу к сопернице, она что-то варила, по горнице разливался вкусный грибной аромат, а её единственный сынок, мальчонка лет семи, играл во дворе и не мог помешать нам.

— Зачем пожаловала? — с вызовом осведомилась Ульяна, едва завидев меня на пороге и окатив недобрым взглядом.

— Поговорить пришла, — ответила я, вспомнив, как учила меня баба Нюра.

Спокойно и с достоинством царицы.

— Недосуг мне с тобой лясы точить, лахудра белобрысая! — огрызнулась Ульяна, помешивая варево в котелке.

«Лахудра белобрысая»? Вот как?

Значит, со Степаном она мёдом речь лила, такая вся правильная, сдержанная, добрая. А наедине со мной и обозвать не грех? Ясно. Мягко стелет, жёстко спать, как говорится.

— Не думала, что в нашей деревне такие шалавы живут, что мужей чужих обхаживают.

— Это я шалава? — тут же окрысилась вдова. — На себя посмотри, голь полупьяная. Давно ли ты в кабаке с мужиками бухала да песни горланила? А что потом на сене делала? Кто знает, может, тоже блудила?

— Не было этого!

— Ага, да все деревенские знают, как ты до утра в кабаке сидишь.

— Может, я и пила, но теперь это в прошлом. А мужиков других у меня никогда не было! — заявила я.

Именно в этот момент меня отчего-то озарили прошлые воспоминания Глаши по этому поводу, оттого я знала наверняка.

— Да-да, это ещё проверить надо.

— Не твоё дело моя жизнь, Ульяна. Поняла? Я не ругаться пришла к тебе, а поговорить. Сказать тебе: Степан — мой муж. Я его жена. Потому прекрати клинья к нему подбивать!

— Чего это ты так развоевалась-то? Он же тебе никогда не нужен был. Все про то знают.

— А сейчас нужен. Он мой муж, — решительно и твёрдо заявила я. — И ты, если не дура, должна понимать, что за чужими мужьями грех бегать!

— Ничего у тебя не выйдет, Глашка. Твой котелок давно пуст, да и сама ты уже не сочная ягодка.

— А ты, значит, сочная?

— Да уж помоложе тебя буду! — оскалилась злобно Ульяна.

Сейчас в ней было не признать ту ласковую, мягкую кошечку, которая заискивающе говорила со всеми и мило улыбалась. С неё как будто спала маска, и передо мной стояла злобная, наглая фурия, которая, дай палец, руку откусит.

— Он мой муж, а ты всего лишь разлучница! У нас четверо детей! Совесть у тебя есть? — решила я выдать последний свой довод.

— Свою иди поищи! Степан меня любит, а ты, Глашка, ему опостылела. Он сам мне про то на днях сказывал!

Опостылела, значит? А чего ж он ко мне позавчера в кровать пожаловал и каждую ночь под дверью стоял? По привычке или потому что эта Ульянка ему не дала? Тогда почему к ней в гости не спешил идти, на её «сладкие пирожки»? Что-то не сходилось. К опостылевшей жене точно под ночнушку не лезут.

Эти мысли меня окончательно раздраконили.

— Врёшь ты, Ульяна. Последний раз заявляю. Степан — мой муж. И не смей липнуть к нему.

— А если не послушаю? То что?

Я поджала губы, понимая, что зря пришла. Эта наглая хищница точно не отступит, видела по её глазам. Но, по крайней мере, я попыталась. Что ж, отрицательный опыт тоже опыт.

— Ничего.

Как там сказала баба Нюра? Спокойно и с лаской с мужем, а с соперницей безразлично и сдержанно? Но как с ней сдерживаться, когда она такое говорила!

Так и хотелось вцепиться ей в волосы или ударить чем-нибудь, но я всё же была воспитанная девушка.

— Мне, Глашка, с тобой некогда болтать, дел много. Ступай вон! — заявила грубо Ульяна.

Она деловито полезла на полку, делая вид, что меня уже нет в её избе. Я же стояла вся в возмущении. Я шла сюда, чтобы остановить соперницу, пригрозить ей и взять с неё обещание, что она оставит моего мужа в покое. А всё вышло наоборот. Ульянка эта оказалась тёртым калачом и, как я видела, совершенно не собиралась отлипать от моего мужа. А ещё показывала своё превосходство оттого, что якобы теперь Степан любил её, а не меня.

Глава 18

Поняв, что больше Ульяна не желает говорить, я поджала губы и направилась к выходу. Словно в забытьи вышла на улицу. Внутри у меня всё кипело от возмущения. Неожиданно меня осенила идея, как можно приструнить эту шалаву. Придумала слова, которые точно бы её проняли.

Я проворно вернулась в избу и, войдя в горницу, увидела, что Ульяна, подняв деревянную крышку в полу, спустилась в погреб.

Неожиданно меня накрыло неистовое, дикое желание. Слова, что я сейчас придумала, вмиг вылетели из головы. Когда-то давно я смотрела старый советский фильм, не помню, как называется, но там главный герой закрыл вредную бабку в погребе, чтобы проучить. Мной овладела такая злость, что захотелось устроить той Ульянке нечто подобное за её бессовестное поведение и наглые речи.

Мысль о том, что это нехорошо, тут же вытеснилась из моей головы яростным возмущением.

Колебалась я недолго. Сорвалась с места и ринулась к погребу. Дёрнула деревянный запор, удерживающий тяжёлую крышку, и с грохотом захлопнула его. Тут же раздался визг и крики Ульяны, которая начала долбиться в закрытую крышку. Я же проворно пододвинула лавку на крышку и ещё сундук, чтобы она точно не выбралась.

Спустя минуту я уселась на сундук сверху и вытерла пот со лба.

— Уфф, посиди маленько в темноте, коза наглая. Остынь. Не видеть тебе Степана.

Я понимала, что оставлять надолго Ульяну там нельзя, ещё задохнётся или замёрзнет, всё же там было прохладно. Решила до вечера подержать её там, а потом открыть. Всего часа три–четыре. Я где-то читала, что погреба делали обязательно с притоком воздуха, чтобы было проветривание, потому это время нахалка спокойно выдержит. Только попугаю её немного.

Слыша, как недовольно Ульяна кричит из погреба и колотит кулаками в деревянную крышку, я нахмурилась и отправилась домой.

Шла по улице, не замечая ничего вокруг, а сердце было не на месте.

Гнусный, жуткий поступок терзал моё существо. Не могла я спокойно воспринимать всю эту ситуацию.

Чувствовала, что совершила ошибку. Зря я, наверное, заперла соперницу в погребе. А если что с ней случится? Но чутьё подсказывало, что с такими, как эта Ульянка, ничего не случается.

Такие наглые стервы и вертихвостки и в моё время вели себя с мужчинами по-хищнически, как захватчицы. В моём окружении была одна такая, которая увела у моей подруги мужа, упакованного бизнесмена, владеющего своими гостиницами в Европе. Так эта шалава нагло смеялась в лицо его жене и говорила, что моложе и умелее её в постели. Моя подруга после двадцати лет брака очень переживала по этому поводу и даже загремела в больницу с нервами. А теперь я оказалась в подобной ситуации и на собственной шкуре испытала, каково это, когда такие вот Ульянки охотятся за твоим мужем.

Именно эта несправедливость и побудила меня совершить дурной поступок.

Однако долго я не выдержала. Спустя час по возвращении домой послала Васю к этой змее. Попросила открыть погреб и выпустить Ульяну.

Сын вернулся спустя полчаса, возбуждённый и мрачный.

— Ну что, Васенька? С ней всё хорошо? — озабоченно спросила я, выжимая тряпку, которой мыла пол.

— Что с ней станется-то? — присвистнул мальчик. — Она ещё за мной по двору со скалкой гонялась, кричала, что я поганец.

— Боже! Она не ударила тебя? — испугалась я.

Не надо было посылать сына открывать её. Но я же не думала, что эта неадекватная баба накинется на мальчика со скалкой.

— Нет, мамка, — рассмеялся он. — Ей в жизнь меня не поймать. Она же неуклюжая.

— Прости, Вася, не надо было посылать тебя туда.

— Да не боись, мамка, со мной всё хорошо. А эту Ульяну я бы не только в погребе зарыл, а сам в речке утопил. Чтобы она на тятю зенки свои не лупила! Змеюка подколодная, вот она кто. Про неё Танька так говорит. Такая она и есть. Змеища!

Степан работал в тот день допоздна. Мы с детьми ждали его до сумерек, потом сели ужинать. После мы с Алёнкой мыли посуду, а Танюша доила корову. Вася бегал где-то во дворе, а Егор, едва поев, упал на кровать и захрапел. Всё же весь день в поле.

Когда мы с младшей дочкой уже собирались спать, вернулся наконец кузнец.

— Глафира, ты где?! — прогрохотал Степан с порога.

Я даже удивлённо обернулась: он был зол. Никогда не видела мужа в таком сильном гневе, даже в тот день, когда попала сюда. Тогда он был раздражён, а сейчас на его скулах ходили желваки, а в глазах горел бешеный огонь.

— Не ори. Егор спит, — тут же осадила я его.

Он исподлобья агрессивно зыркнул на меня. Бесцеремонно ухватил за плечо и поволок в мою спальню.

— Пусти руку! — возмутилась я. — Мне же больно.

Он тут же разжал пальцы и чуть отошёл. Прикрыл дверь, испепеляя меня взором. Несколько раз громко выдохнул, явно пытался успокоиться, но, видимо, не мог. Бешеный гнев так и полыхал в его взоре.

— Ты что, полоумная совсем? — наконец озвучил он своё недовольство. — Ты зачем Ульяну в погребе заперла? А если бы она там окочурилась?

Так, похоже, от шалавы пришёл. Представляю, что она ему там напела. Наверняка прикинулась несчастной овцой, а меня выставила злобной мегерой. Вот говорила мне бабка Нюра, что не надо к этой Ульянке ходить, а я не послушала. Теперь вот Степана эта злыдня раздраконила.

Глава 19

Присев на кровать, я скрестила руки на груди и грубо ответила:

— Ничего бы с ней не случилось. Да и выпустили мы её спустя час.

— Зачем заперла её, я спрашиваю?!

— Проучить хотела. Чтобы знала, как чужих мужиков соблазнять.

— Ну, ты и дура. Ульяна-то тут при чём?!

— А что, ты сам за ней бегаешь, что ли?

— Ты же сама велела мне другую бабу искать. Сказала, что не любила меня никогда!

От слов Степана я оторопела, недоуменно захлопала глазами.

Что, правда? Глашка говорила такое мужу? Она что, не в себе была? Может, по пьяни ляпнула?

— Не было этого! — тут же возразила я, чувствуя, что надо немедля исправлять ситуацию.

— Было, Глаша, вспомни, — выдохнул Степан как-то обречённо и глухо.

Он уже немного успокоился. Видимо, гневный запал уже сошёл на нет, и его голос стал тише.

Степан отошёл к распахнутому окну, провёл рукой по волосам, чуть взъерошив. Снова зыркнул на меня, опять тяжко вздохнул. Я видела, что его что-то гнетёт. Он о чём-то напряженно думал и словно не решался сказать.

— Думаешь, не знаю, что до сих пор его любишь? — вдруг сказал муж.

— Что? Кого это я люблю?

— Сама знаешь. Ульяна мне сейчас рассказала, как ты опять на барский двор ходила и говорила с ним. Понимаю, сердцу не прикажешь. Потому отпускаю я тебя.

Я промолчала. Похоже, во всей этой истории был ещё кто-то. Опешив от всего услышанного, я пролепетала:

— Куда отпускаешь?

— Не делай вид, что не поняла, о ком я!

Нет, я действительно не понимала, о ком он. Неужели у Глашки был какой-то тайный возлюбленный? Ну, это вообще ни в какие ворота не лезло. Оказывается, я вообще ничего не знала про отношения Степана и Глаши. Каждое новое заявление мужа вызвало у меня неподдельную оторопь. Я была не готова к таким откровениям.

— И вообще, давно хотел сказать тебе: ухожу я от тебя, Глаша. Замучила ты меня своими гулянками и ленью. А сейчас ещё и творишь непонятно что. Перед людьми совестно.

— А тебе блудить с другой бабой не совестно?

— Ты что, не слышишь меня? Ухожу от тебя, говорю, — мрачно произнёс Степан. — Не любишь меня, не надо. Хватит. Довольно терпел, всё надеялся на что-то, дурак. Устал я от тебя, Глаша…

— Степан, послушай, я… — я не знала, что сказать.

Кого это любила Глаша? Неужели не мужа? Отчего Степан так говорил?

— Дом этот тебе оставляю. С детьми здесь живи. Таня и Егор большие уже, всё понимают. А от малых не отказываюсь. Помогать буду деньгами, как и раньше. Вот, вроде всё сказал.

Я трагично смотрела на него, и мне стало отчего-то очень обидно и больно. Неужели он уходил к Ульяне? Оказывается, эта подлая вдова уже отбила его, и бороться было бесполезно.

— К Ульяне пойдёшь? Любишь её? — спросила я тихо.

Степан молчал и как-то странно смотрел на меня.

— С ней удобно, Глаша, понимаешь? Она приветливая, добрая и кормит вкусно, любит меня. Ведёт себя прилично. Да и баба красивая.

Ну, насчёт приветливой и доброй я бы поспорила, конечно. Взгляд у неё был не добрый, а заискивающий, а внутри тёмный огонь. Про таких говорят: мягко стелет, жёстко спать.

— Удобно, значит?

— Да.

— А как же я?

— Живи, как и жила. Почти двадцать лет твои выходки терпел, больше не хочу. Тебе гулять и балагурить веселее, чем дома пироги печь.

— Ясно. А если я всё исправлю, Степан? Снова домашней стану. Сегодня я даже корову подоила сама и хлеб испекла.

— Это ты молодец, Глаша, — перебил он меня, поёжившись. — Только устал я, и уже ничего не исправить. Завтра соберу пожитки и к Ульяне уйду, она давно уже зовёт. А я всё чего-то медлю.

И тут меня осенило. Не любил он Ульяну! А любил меня. Ведь только любя женщину, можно двадцать лет терпеть её выходки, пьянки, лень и грязь в доме. Да ещё каких-то тайных возлюбленных. Оттого он столько медлил и сейчас говорил как будто нерешительно. Словно не хотел уходить, а кто-то надоумил его сделать это. Наверняка Ульяна или свекровь моя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.